

РАЗОБЛАЧЕНИЯ ВЕКА

БРАЙАН ДИР

ДОКТОР, КОТОРЫЙ ОДУРАЧИЛ ВСЕГДА МИР

НАУКА, ОБМАН И ВОЙНА С ВАКЦИНАМИ

БРИТАНСКИЙ ВРАЧ

Сенсационное
Sunday Times
танского
филда
сфал

БЕСТСЕЛЛЕР
AMAZON

журнали
бывшего б
Джереми Уэ
известности

Брайан Дир
Доктор, который одурачил
весь мир. Наука, обман
и война с вакцинами
Серия «Разоблачения века»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66646748

*Доктор, который одурачил весь мир: наука, обман и война с вакцинами / Брайан Дир: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-135366-7, 9781421438009*

Аннотация

Книга рассказывает о сенсационном разоблачении журналистом Sunday Times Брайном Диром бывшего британского врача Эндрю Джереми Уэйкфилда, получившего известность после сфальсифицированного исследования 1998 года, в котором ложно утверждалось о связи между вакциной против кори, эпидемического паротита и краснухи (MMR) и аутизмом, а также за его последующую антивакцинаторскую активность. Публичная шумиха вокруг исследования привела к резкому снижению уровня вакцинации, что привело к ряду вспышек кори во всем мире.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Пролог	5
Грандиозные идеи	17
1. Момент Гиннеса	17
2. Должно быть, это корь	30
3. Сигнальный случай	45
4. Пилотное исследование	59
5. Ребенок номер Четыре	71
6. Вопрос морали	85
Секретные схемы	100
7. Все знают	100
8. Первый контакт	116
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Брайан Дир
Доктор, который одурачил
весь мир: наука, обман
и война с вакцинами

*О, какую запутанную паутину плетем,
Когда мы впервые обманываем.
Уолтер Скотт, «Мармион»*

Пролог

Воскрешение

В ночь вступления Дональда Трампа в должность президента в интернете появилось видео, которое потрясло все медицинское и научное общество: 60-летний мужчина в черном смокинге и галстуке под светом сине-белых огней балльного зала Вашингтона ухмыляется в экран своего телефона.

– Прошу прощения, ребята, – говорит он с мягким британским акцентом, который подошел бы Джеймсу Бонду или персонажу из Гарри Поттера, – здесь есть кто-нибудь?

– Прошу прощения, – вскоре повторяет он.

Видно, как под каштановыми волосами его лицо блестит от пота, как вспышки света отражаются в его серых глазах. Мужчина говорит и идет, не останавливаясь, сначала в свете, затем в тени, поджимая полные губы, будто в поисках какой-то мысли. Вот он поднимает кулак, чтобы откашляться.

– Просто оглядываюсь, ищу кого-нибудь важного, – продолжает он, явно наслаждаясь своей близостью к власти, – чтобы убедить их, если это возможно.

Картинка становится нечеткой, и две с половиной минуты зритель наблюдает, как перевернутые изображения с самого эксклюзивного события той ночи транслируются в прямом эфире через специальное приложение Periscope. Раздается

приглушенный удар. Вспыхивают прожекторы. Агенты секретной службы занимают свои места.

Некоторым из наблюдавших, например мне в Лондоне, мужчина казался идеальным гостем этой вечеринки. Поначалу говорили, что он красив, даже сексуален, со спортивным телосложением, харизматическим обаянием и уверенностью, которая внушала доверие. В ту ночь он мог бы сойти за дипломата, актера, посвященного в рыцари или звезду бейсбола на пенсии. Другие ахнули, будто на экранах появился Князь Тьмы. Они узнали Эндрю Уэйкфилда, опального врача, которого лишили лицензии по обвинению в мошенничестве, жульничестве и «жестоким пренебрежении» к детским страданиям.

«Это уже слишком», – твитнул техасский гастроэнтеролог. И это лишь одно из шквала сообщений, опубликованных в ту ночь. «Мне нужно что-нибудь от тошноты», – простонал химик из Лос-Анджелеса. Голландский исследователь аутизма: «Настали действительно страшные времена». «Администрация шарлатанов», – мнение бразильского биолога, которое поддержал аспирант с Севера. В Новой Зеландии кто-то надеялся, что Уэйкфилд «просто залез под камень, где и сидит по сей день».

Ага, держите карман шире. Этот человек упивался позором, как того требовала его природа и затруднительное положение, в котором он оказался. Со времени ареста некоего Гарольда Шипмана, убившего в 1990-х около двухсот своих

пациентов, ни одного британского практикующего врача не презирали так, как Уэйкфилда. *New York Times* упоминала его как «одного из самых оскорбляемых врачей своего поколения». Журнал *Time* включил его в список «самых знаменитых мошенников в области науки». А *Daily News* осрамила его под заголовком:

«ГИППОКРАТА БЫ СТОШНИЛО».

Команда Трампа, которой было поручено проверить список гостей, спокойно пропустила его на вечеринку. К тому времени дурную репутацию Уэйкфилда можно было назвать одновременно острой, хронической и уж точно увековеченной в поп-культуре. Его изобразили как злодея даже в мультипликационной ленте («Факты по делу доктора Эндрю Уэйкфилда»). Ученики в старшей школе делали на этом имени работы («Был ли отчет доктора Уэйкфилда основан на надежных научных доказательствах?»). На имени, которое использовалось в публичных обсуждениях как нарицательное.

Эндрю Уэйкфилд в биологии

Эндрю Уэйкфилд в политике

Эндрю Уэйкфилд в логистике

Тем не менее в ту самую пятницу, 20 января 2017 года, этот человек присутствовал на Балу свободы. Позади него первые из гостей, которые уже прошли через охрану, направлялись к светящимся стойкам баров на втором этаже конфе-

ренц-центра имени Уолтера Э. Вашингтона. А чуть позже Трамп с первой леди Меланией изобразили здесь танец под песню Фрэнка Синатры «Мой путь».

– Да, очень, очень занятное времечко, – хмыкнул Уэйкфилд, – мне бы хотелось, чтобы все вы были здесь, с нами.

Мне тоже.

Через четыре дня мне позвонили с вопросом, могу ли я набросать слов восемьсот об этой разработке? Тринадцать лет подряд я следил за Эндрю Уэйкфилдом и строчил новости в лондонскую газету *Sunday Times*. Со всеми полученными наградами от национальных изданий и званием почетного доктора я стал своеобразным Авраамом Ван Хельсингом, а этот граф Дракула, судя по всему, начал выбираться из своей могилы.

Изначально Уэйкфилд работал на моей стороне Атлантического океана, в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии. Тогда он был никем – врачом без пациентов в небольшой лондонской больнице при медицинской школе. Уэйкфилд работал в гастроэнтерологической лаборатории, пройдя резидентуру по общей хирургии. Правильнее было бы перечислить, кем он *не был*. Он не был ни вирусологом, ни иммунологом, ни эпидемиологом. Уэйкфилд не был неврологом, психологом, психиатром. Он не был ни педиатром, ни вообще клиницистом.

Тем не менее, этот человек со временем умудрился оставить свой след в каждой стране. Нет, это не было какое-то

инновационное лечение или научное открытие. Он принес в мир страх, вину и болезнь. Уэйкфилд экспортировал все это в США, а оттуда – в каждый уголок мира, где рождаются люди. Как было написано в язвительной статье *New Indian Express*:

«Может ли один человек изменить мир? Спросите Эндрю Уэйкфилда».

Я впервые услышал его имя в феврале 1998 года, прочитав доклад, или «статью», которую опубликовал ведущий медицинский журнал *The Lancet*. На этих пяти страницах, а если точнее – в двух колонках из 4 тыс. слов, он утверждал, что обнаружил новый ужасающий синдром поражения мозга и кишечника у детей. «Очевидным провоцирующим событием», как отмечалось на странице 2, была вакцина, которую регулярно вводили сотням миллионов людей. Позже Уэйкфилд описывал это как эпидемию ятрогении. Со временем он собирался очернить каждую вакцину, от гепатита В до вируса папилломы человека. Но первой в его прицел попала вакцина «три в одном» против кори, паротита и краснухи (*MMR*), которая, как он заявлял, стала причиной нарастающей волны регрессивного аутизма. Именно от нее, по его мнению, маленькие дети постепенно теряли языковые и социальные навыки. «Больные дети окажутся совсем одни в своем тихом мире, и они не будут общаться с другими людьми», – предупреждал Уэйкфилд.

Неудивительно, что молодые семьи по всей Великобри-

тании пребывали в полнейшем шоке. Из медицинской школы, в больнице которой он работал, он начал крестовый поход, что вызвало кризис общественного здравоохранения, не имеющий аналогов после скандалов со СПИДом. Показатели иммунизации населения резко упали. Вернулись побежденные ранее смертельные болезни. А родители детей с проблемами развития, которые вакцинировали их, следуя указаниям врачей, начали себя в этом обвинять.

Это горько и несправедливо. Я чувствую себя виноватым.

Восемь лет назад я, как родитель, совершил трагическую ошибку.

Мы убедили себя, что это судьба. Теперь мы знаем, что это наша вина.

Тогда я просто проигнорировал Уэйкфилда. Я разбирался в вакцинах и посчитал, что это очередное исследование «с душком». Его выводы были слишком простыми и однозначными. Но на тот момент мне казалось, что Уэйкфилда невозможно проверить. Я провел слишком много медицинских расследований (особенно часто сталкиваясь со случаями мошенничества в фармацевтической промышленности) и посчитал, что на поиск доказательств его некомпетентности уйдет больше жизни. И все равно их похоронят на том самом кладбище конфиденциальности, где хранятся налоговые декларации Трампа.

Но пять лет спустя все изменилось: разоблачить «велико-

го доктора» было бы «прекрасным представлением», как писали журналисты в золотой век чернил и бумаги. Я взял интервью у матери мальчика с отклонениями в развитии, данные которого анонимно использовались в той статье. Для Уэйкфилда это стало началом конца. Без труда не вытащишь и рыбку из пруда. Уэйкфилд отказался от интервью и убежал, когда я начал задавать вопросы. *The Lancet* защищал его, равно как и медицинские учреждения. Другие журналисты начали воевать со мной. Но я продолжал задавать вопросы, собирать документы и защищаться от исков, которые он подал, чтобы заткнуть мне рот. В итоге его статья была отозвана и признана «совершенно ложной». Дни славы Уэйкфилда истекли.

– Многие публиковали свои статьи в *The Lancet*, – язвительно подметил я с бесстыдной нескромностью, но безупречно выбрав для этого время, – однако только я отозвал одну из них обратно.

Это репортеры вроде меня называют «результатом», добившись которого, можно переходить к другим проектам. Со всем присущим мне энтузиазмом я планировал заняться статинами – антихолестериновыми препаратами, которые произвели фуррор и стали самыми назначаемыми на тот момент лекарствами. Не потому, что я знал *что-то*, чего никто не заметил, а потому, что в *Big Pharma*¹ всегда *что-то* проис-

¹ «Большой фармой», или «биг фармой» (от английского «*Big Pharma*», или «большая фармацевтика»), называется группа крупнейших международных

ходит. Статины не стали исключением.

Но в отличие от убийцы Шипмана, который умер в камере, Уэйкфилд не ушел со сцены. Он много трудился, чтобы добиться успеха в Америке: появлялся в программе «60 минут», выступал в комитетах Конгресса и участвовал в конференциях, посвященных борьбе с вакцинами.

А теперь его заметил Дональд.

– В моем детстве проблемы аутизма не было, а теперь он внезапно стал эпидемией, – заявлял в реалити-шоу будущий 45-й президент США, будучи еще бизнесменом-миллиардером.

– У каждого есть своя теория, – сказал он местной газете перед тем, как в *Twitter* по этому поводу поднялась буря, – и я изучаю свою теорию, потому что у меня есть маленькие дети.

Но это не *его* теория. Она досталась ему от Уэйкфилда, неважно, знал ли он ее происхождение или нет. И всего за три месяца до выборов, потрясших весь мир, хиропрактик-республиканец и богатый спонсор объединенной медицинской и юридической службы помощи для людей, попавших в автокатастрофы, свели их вместе. Они почти час провели за закрытыми дверями в Киссимми (центральная Флорида), а затем позировали фотографам на фоне государ-

фармацевтических компаний, штаб-квартиры которых расположены в основном в США и Европе и которые занимаются изготовлением лекарств и медицинских препаратов. Компании «большой фармы» имеют ежегодные обороты в сотни миллионов долларов.

ственного флага. На фото рот Трампа приоткрыт, будто он не может не говорить, а Уэйкфилд ухмыляется, сцепив руки внизу живота, одетый в черный пиджак, синие джинсы и коричневые ботинки с потертостями на пальцах ног.

У них оказалось так много общего, и я уверен, Уэйкфилд это почувствовал. Эти двое были людьми одного рода, и на тот момент они оба лихорадочно разъезжали по стране (один на личном «Боинге 757», другой на черном туристическом автобусе), преследуя невероятно похожие цели. Мишенью кандидата в президенты были белые люди рабочего класса. Причинить боль. Рассердить. Навязать ощущение обделенности. Тем временем бывший врач искал родителей детей с аутизмом и подобными проблемами, которые тоже были обижены, злы и одиноки со своей проблемой.

Люди иногда говорят, что быть «особенными» сейчас модно. Может быть. Но для матерей и отцов детей, страдающих аутизмом, первые его симптомы предвещают страх и отчаянные поиски едва брезжащей надежды. Если Вы не переживали подобный опыт, просто сделайте паузу, чтобы представить – самый дорогой в жизни человек, рожденный таким совершенным, его первые слова и шаги. И вдруг потихоньку, а иногда и внезапно, *что-то идет не так*. Ребенок не разговаривает, не хочет, чтобы его держали на руках, он сидит и часами следит за своими пальцами. Припадки, которые, кажется, возникают из ниоткуда. Возможно, это проявление глубокой инвалидности. Затем появляется герой, который

разгадывает загадку, не подвластную другим. В интервью *The New York Times* один из сотрудников назвал Уэйкфилда «Нельсоном Манделой и Иисусом Христом в одном лице». Люди сравнивали его с итальянским астрономом Галилео, который боролся с римско-католической церковью. «Один из последних честных врачей в западном мире... гений... памятник научной честности... блестящий ученый-клиницист с высокими моральными качествами... невероятное мужество, честность и смирение».

Согласно подобным версиям, этот человек был провидцем, против которого сплели циничный заговор. По словам самого Уэйкфилда, *он не сделал ничего плохого*. Каждую жалобу на себя он назвал ложью. По его версии, он стал участником отвратительного заговора, частью которого стали правительство, фармацевтические компании и, конечно же, я. Нашей целью было сокрыть причинение детям страшнейшего вреда. «Это была стратегия», – заявил он о разоблачениях, которые его погубили. «Обдуманная стратегия. Мы просто дискредитируем его человека, изолируем его от его коллег, разрушим его карьеру и скажем другим врачам, которые осмеляться вмешаться, *что это же произойдет и с ними*».

Но Трамп, по крайней мере, говорил о надежде. Лозунгом его кампании было «сделать Америку снова великой». Уэйкфилд, напротив, нес с собой по США лишь страдания. Всего за несколько недель до бала социологический опрос *YouGov* показал, что почти треть американцев опасаются, что вакци-

ны «определенно» или «вероятно» вызывают аутизм. Показатели иммунизации населения неуклонно падали. Родители спешили к педиатрам, чтобы отказаться от прививок для своих детей. Не прошло и трех месяцев после ночи инаугурации, как по всей планете вспыхнула новая вспышка кори. То, что, как мне казалось, я подавил в корне, вспыхнуло с новой силой. Сообщения о кори появились в Миннесоте, где проводил кампанию Уэйкфилд. Вскоре они хлынули отовсюду – из Европы, Южной Америки, Азии и Австралии – болезнь, которую когда-то планировали полностью искоренить, вернулась, чтобы убивать людей. К тому моменту, когда новый президент начал добиваться своего переизбрания, США пережили несколько сильнейших вспышек кори за последние три десятилетия. При этом международные агентства описали «нерешительность в отношении вакцин» как одну из десяти основных угроз здоровью человека.

К сожалению, этот человек оказался не единственным в своем роде. Были и другие гуру, в первую очередь, актер Дженни Маккарти и юрист Роберт Кеннеди. И неудивительно, подобные споры начались около тысячи лет назад, когда китайцы научились защищаться от оспы. Но именно Уэйкфилд получил звание «прародитель движения против прививок». И, как и в случае с Л. Роном Хаббардом, который изобрел саентологию, или Джозефом Смитом, получившим мормонские золотые листы, чтобы оценить достоинства вероучения, не нужны были даже сами проповеди. Нужно бы-

ло просто познакомиться с проповедником. Мне его история напоминает «Волшебника из страны Оз». Главный герой оказывается на извилистой дороге вместе с реальными людьми и конкретными фактами, которые должны удивить или рассердить любого здравомыслящего читателя. И вот раскрывается тайна, как были выполнены трюки. Занавес поднимается, видны декорации. Мастер разоблачен.

Уэйкфилд знал, что делает. Он чувствовал себя на своем месте, в своем праве. Правила ведь писаны для неудачников, а он особенный. Но его путь на бал Трампа был проложен по зловещей стороне науки, которая угрожает всем нам. Если бы он мог продолжить то, что делал (а я расскажу вам, что именно он делал), кто бы в больницах и лабораториях продолжил заботиться о наших жизнях? Сколько еще подобных людей обманывает мир, прячась за харизмой и разговорами о заговоре?

Смеясь в экран телефон на балу Свободы, Уэйкфилд радостно пообещал: «Я просто несколько раз сфоткаю Дональда».

Бывший врач без пациентов вернулся.

Грандиозные идеи

1. Момент Гиннеса

В какой-то альтернативной реальности этого человека могли бы почитать как профессора сэра Эндрю Уэйкфилда. За два десятилетия до бала Трампа он грезил не о Вашингтоне и в целом не об Америке, а о концертном зале в центре Стокгольма. Говорят, его сокровенной мечтой было прийти на церемонию вручения Нобелевской премии одетым, как Фред Астер, в белый галстук и фрак, и получить золотую медаль из рук шведского короля.

– Вы бы слышали их разговоры в столовой, – рассказывал мне его бывший коллега, – все вертелось вокруг Нобелевской премии.

Но и в этой, и в любой другой реальности путь его начинался бы из одного и того же места: Бикон-Хилл над городом Бат, графство Сомерсет, который расположен в 90 минутах езды на поезде к западу от Лондона. Здесь стоит дом Уэйкфилдов, откуда начинался Эндрю.

И это забор не *Тома Сойера*. Этот особняк обнесен отнюдь не деревянными колышками. Думаю, забор весит больше тонны. С двумя трехметровыми дорическими колоннами, соответствующими пилястрами и витиеватым резным

бюрдюром на многоярусном архитраве, он напоминает вход в викторианский мавзолей или боковую дверь в римском Коллизее. Весь дом кричит о богатстве, классе, авторитете и правах. Заглавными буквами на воротах написано:

Хитфилд

«ХИТ» – это отсылка к Джеймсу Хиту, предпринимателю, который запатентовал свой вариант инвалидного кресла. Оно напоминает, скорее, изящную небольшую карету-кабриолет, которую можно толкать вручную или запрячь в нее лошадь. Прибыль от патента пошла на покупку дома (правда, говорят, что он здесь никогда не жил) на крутом склоне, богатом мореной. Виды здесь не уступают лучшим панорамам Сан-Франциско. Окна дома выходят на долину реки Эйвон, где стоит бледно-желтый город, построенный из оолитового известняка, который сегодня внесен в Список Всемирного наследия ООН.

Каменная резиденция с шестью спальнями – «вилла в итальянском стиле» – была построена в 1848 году. Под синей шиферной крышей с очень высокими дымоходами располагаются два этажа спален с высокими потолками и французскими окнами, а под ними этаж, наполовину вырытый в морене, там когда-то селили горничных и поваров. Эти два мира были связаны скрытой сетью проводов, с металлическими рычагами на каминах на одном конце и колокольчиками на

другом. Правда, к середине XX века эти устройства заржавели, но забыть об их наличии достаточно сложно.

Здесь в 1960–70-х годах и жила семья Уэйкфилдов – оба родителя и пятеро детей – и, по всеобщему мнению, довольно неплохо. В доме царил хаос: с дверного косяка свисали качели, а по паркету стучали собачьи лапы. Мать будущего крестоносца, Бриджит Мэтьюз, позже описывает своего второго сына, как островок спокойствия и покорности среди всей этой суеты и неразберихи.

– Эндрю был наименее проблемным ребенком, на самом деле он всегда был конформистом, – рассказывает она мне, будто пытаясь что-то объяснить. – Если в детстве я на него кричала и ругала за бардак в комнате, он мог посмотреть на меня и сказать: «Мне очень жаль, мама». Он никогда не оправдывался, никогда не говорил, что у него не было времени на уборку. И злость, и раздражение исчезали сами собой.

Родители Эндрю были врачами, как и отец и дед Бриджит, что позволило молодому человеку стать медиком в четвертом поколении. И если такая прекрасная родословная не гарантирует успех, то она, по крайней мере, порождает амбиции. В классовой Англии человеку такого происхождения суждено давить на рычаги, а не ждать звонка колокольчика.

Примером для подражания номер один для Эндрю был его отец, Грэхем Уэйкфилд, истинный аристократ и известный невролог, который был удостоен высшей должности Национальной службы здравоохранения – звания консультанта

во всех больницах близлежащей долины. Он занимался лечением болезней головного мозга до появления методов его визуализации, и некоторые считали, что это развило в докторе склонность к принятию решения еще до получения всей информации. Без компьютерной или магнитно-резонансной томографии его диагнозы основывались не столько на доказательной базе, сколько на наблюдении, опросе пациента и интуиции.

Неврологи-консультанты были богами среди равных. Обход палат напоминал величественную процессию. «Он спрашивал у пациентов малейшие детали, – вспоминает бывший помощник врача, – но не для того, чтобы унижить их или смутить. Ему требовалось время. Каждый пациент был для него еще одним способом обучения: что это означает, на каком уровне находится поражение, как вы думаете, что послужило причиной такой симптоматики?»

Помимо того что Грэхем много практиковал, он пробовал себя и в науке. В одном из исследований, опубликованном в журнале *The Lancet* в октябре 1969 года, он выступил в качестве второго из трех авторов трехстраничной статьи о витамине B₁₂ и неврологических осложнениях диабета. В этой статье были приведены таблицы с данными о восьми пациентах, а также «дополнение» с четырьмя более поздними случаями. Если Уэйкфилды выписывали журнал *The Lancet* на дом, то он бы упал на коврик под дверь особняка Хитфилд, когда юному Энди было еще 13.

Бриджит д'Эстутевиль Мэтьюз (также известная как «миссис Уэйкфилд») отличалась от своего мужа и в то же время идеально дополняла его. Их семейная пара олицетворяла древний символ «инь – ян». Бриджит была семейным врачом, или «терапевтом». Эта решительная, серьезная дама была не лишена чувства юмора и некоторого озорства. Они познакомились с Грэхемом в студенческие годы в медицинской школе Святой Марии, расположенной в районе Паддингтон на западе Лондона. У Бриджит были стальные нервы, ее характер был проверен на прочность еще в возрасте 10 лет, во время Второй мировой войны, когда их с тремя сестрами эвакуировали в Нью-Мексико. Четыре года спустя она вернулась на военном корабле.

«Бриджит ничего не боится, у нее решительный подбородок, сильная воля и пиратский темперамент», – предупреждал ее отец, Эдвард Мэтьюз, отправляя своих детей пересекать океан.

«В ней есть толика жесткости, которой она прикрывает свою чувствительность. Бриджит может очень тонко съязвить, чтобы поставить на место несогласных».

Но на формирование личности Эндрю повлияли не только его родители. Нельзя не упомянуть еще об одном жильце Хитфилда – дедушке Эдварде («зовите меня Тед»). Известный психиатр-консультант в больнице Объединенного Королевства, он обучался в той же школе Святой Марии (как и

его отец до него). Когда его зять повзрослел и стал специалистом по головному мозгу, Эдвард уже был известен в области психических болезней. Самым большим проектом Эдварда стала книга для мальчиков на 200 страниц под названием «Секс, любовь и общество». Опубликованная в 1959 году, когда автору исполнилось 60, она претендовала на «попытку раскрыть основные паттерны разума». Но речь шла по большей части о его собственной психике. По мере приближения «свинговых 60-х» он использовал свои страницы для агитации введения запрета на секс до брака, проституцию, гомосексуализм и «возрастающую агрессивность» женщин.

«На воду тысячу кораблей спустило лицо Елены Троянской, – анализировал он в одном из отрывков известный греческий миф, – а не острота ее языка или сила ее бицепсов». Его книга, посвященная внукам Эндрю, Чарльзу и Ричарду, была таким противоядием от праздных удовольствий. «Мальчик, который мастурбирует, всегда накормлен и утомлен», – предупреждал он. «Если вы чувствуете, что вам необходимо мастурбировать, несмотря на ваши добрые намерения, покончите с этим как можно быстрее».

Маленькому Энди было почти три года, когда был выпущен этот самородок. Как позже повлияла эта книга на сознание ребенка, неясно. Эндрю Джереми Уэйкфилд родился в понедельник, 3 сентября 1956 года, в Мемориальной больнице Канадского общества Красного Креста, недалеко от Тап-лоу, графство Беркшир, в 40 милях к западу от Лондона. Эта

больница была построена на земле, подаренной семьей Астор из Нью-Йорка, за счет правительства Оттавы. Она символизировала благодарность Северной Америки за титанический вклад Великобритании в победу в Первой и Второй мировых войнах. На момент рождения ребенка у родителей, тогда еще помощников врачей, уже был сын. Они жили в коттедже в Глостершире, а затем переехали в Бат и в конечном итоге вошли в величественные ворота Хитфилда, так начался их личный период безмятежности.

Начальное образование Эндрю получил в самом городе Бат, где располагалась школа короля Эдуарда – эксклюзивное независимое образовательное учреждение, основанное в 1552 году. На самом деле, мальчик не проявлял там особой сообразительности. Его мать признается, что он дважды сдавал выпускные экзамены в школе, чтобы, по примеру семьи, поступить в медицинскую школу Святой Марии. «Не буду врать, что он сразу хорошо сдал экзамены, он действительно их пересдавал», – призналась она мне.

Но уже в школе короля Эдуарда проявилась естественная харизма Уэйкфилда, о которой так часто говорят, и которая подготовила его к последующим событиям. Обладая замечательной способностью завоевывать сердца людей, он наиболее ярко проявил себя в спорте. «В средней школе Эндрю был капитаном команды по регби, а потом и старостой класса», – вспоминает Бриджит. История повторилась в медицинской школе Святой Марии: парень без особого таланта в

учебе сумел расположить к себе абсолютно всех. Уэйкфилд снова возглавил команду по регби и бегал по полю в желанной футболке с цифрой «8». У других игроков быликлички, например Опора или Мухоловка, но Уэйкерс, как его окрестили, был единственным игроком под простым числом. Для этой позиции – эпицентра боевых действий – требовалась грубая сила, великолепная физическая подготовка, ловкость и бесстрашие.

– Он типичный парень из школы Мэри, – рычит старый автор истории регби-клуба, когда я звоню, чтобы выпросить подробности об Уэйкфилде-игроке. – Прочтите книгу лорда Морана.

– Точно, не подскажете, как она называется?

– *«Анатомия мужества»*.

– Ясно, спасибо.

Как раз мужества Уэйкфилду было не занимать. Оно, безусловно, необходимо, чтобы пережить два уик-энда в позиции «8», не говоря уже о двух десятилетиях уничтожения вакцин. Но храбрость, подпитываемая амбициями, может завести на опасную дорожку. Успех или неудача. Хвала или порицание. Слава или дурная репутация. Удовольствие или боль. Все или ничего.

Планом А для Уэйкфилда была карьера профессора хирургии. «Если сомневаешься, вырежь» и все такое. На тот момент это была самая эгоистичная отрасль медицины. В Англии до сих пор сохранилась причудливая средневековая

традиция награждать имена хирургов приставками «мистер» или «мисс/миссис», в отличие от простых «докторов». Этот снобизм зародился еще в те времена, когда хирурги настолько ассоциировались с кровью и увечьями, что удалять части тела люди предпочитали у цирюльников.

– Эндрю всегда хотел быть хирургом, – рассказывает мать. – Еще маленьким мальчиком он любил нашивать заплатки на свои брюки, и у него это получалось ровно и красиво. Да, именно хирургом он хотел быть всегда, никаких других вариантов я от него не слышала.

Уэйкфилд поначалу стремился к профессуре. Если бы он окончательно решил связать свою жизнь с хирургией, думаю, он бы добился успеха. Будучи студентом, а затем и помощником врача, он старательно изучал это ремесло. Но даже самое героическое кромсание и шитье не удовлетворяло его амбиции. Резекция кишечника может спасти пациента. Но мечты доктора были глобальнее. Уэйкфилд распрощался со скальпелями и зажимами уже после 30 лет. Окончив университет Святой Марии в 1981 году, он прошел несколько резидентур в Лондоне, а затем поехал в Канаду на двухлетнюю стажировку в широкопрофильную больницу Торонто.

В то время хирурги всего мира сражались за звание первопроходцев в области трансплантации всего кишечника, ставки были велики. Уэйкфилд, однако, решил заняться лабораторными исследованиями. Это был тот самый ключевой момент, после которого, по словам матери, «все пошло так, как

пошло», ведь ему открылись перспективы спасения не просто пациентов, но и всего мира в целом.

Первая журнальная статья, в которой Уэйкфилд был упомянут, как седьмой из восьми авторов, описывало отравление ртутными батареями. Затем он поучаствовал в работе по иммунной системе крыс, в этот раз оказавшись на четвертом месте в списке из семи авторов. «Уэйкфилд провел много хороших исследований, – сказал в своем интервью Toronto Star профессор Зейн Коэн спустя годы, – и он определенно не коррумпированный человек».

Но в 1987 году Уэйкфилда постигло наследие Хитфилда. Я назову это «моментом Гиннеса», когда мирские ветры впервые подули в его дверь. Насколько мне известно, публично он это рассказывал лишь единожды в интервью лондонскому журналисту Джереми Лоранс, с которым мы недолго делили один офис. Момент Гиннеса случился в баре в центре Торонто одной холодной зимней ночью. Говорят, что Уэйкфилд сидел совсем один с пинтой своего любимого ирландского пива и скучал по своей молодой жене Кармел. Именно тогда ему впервые пришла на ум череда жизненно важных идей, в результате чего начала разворачиваться остальная часть этой истории.

В то время Святым Граалем гастроэнтерологии считались воспалительные заболевания кишечника. Из двух главных нозологий – неспецифического язвенного колита и болезни Крона – вторая стала его главной целью. Она была впервые

систематически описана в 1930-х годах и названа в честь самого проницательного и напористого из ее исследователей, Беррилла В. Крона. И все же ученые не могли прийти к единому мнению о причине этого недуга, иногда настолько тяжелого, что пораженным оказывается весь желудочно-кишечный тракт. Большинство считало, что в основе патогенеза болезни Крона лежит аутоиммунная реакция, возможно, вызванная бактериями или пищей.

Но за океаном, вдали от дома, отведав сливочной пенки Гиннеса, Уэйкфилд прозрел. «Что, если это воспалительное заболевание вовсе не кишечное, – уловил Лоранс главную мысль этого момента, – а сосудистое, и поражение обусловлено нарушением кровоснабжения кишки?» Это предположение серьезнее, чем вы думаете. На самом деле, оно *эпичное*. Тогда, в Канаде, Уэйкфилд пошел еще дальше. Он выдвинул гипотезу, что главным виновником болезни Крона может быть *вирус*, вызывающий воспаление и гибель эндотелия в кровеносных сосудах. Это было смелое заявление, которое определило его дальнейшую жизнь. Но если бы Уэйкфилд оказался прав, особенно, если бы он смог *конкретно назвать* возбудителя, тогда ему бы действительно пришлось бы купить белый галстук и фрак на церемонию в Стокгольме.

Вирус? Почему нет? Это были 1980-е годы, эпоха СПИДа. Да, попытки связать загадочные болезни с определенными инфекционными агентами на протяжении веков ставили в тупик дальновидных врачей и ученых, но тому, кто разга-

дал причину болезни Крона, явно светила золотая медаль. Дело даже не в том, что недуг поражает огромное количество людей, наоборот, показатель заболеваемости не превышает 6 на 100 тыс. в год. Скорее, эта патология не поддавалась объяснениям даже самым храбрым и ярким звездам гастроэнтерологии. Она чаще встречается на севере, чем на юге, причем в городах, а не в сельской местности. Болезни Крона подвержены курильщики, часто ее обнаруживают у целых семей и, что наиболее заманчиво, у небедных семей, чьи дома одними их первых снабжаются горячей водой.

Пришло время продемонстрировать свое мужество. В конце резидентуры Уэйкфилд навсегда отказался от скальпеля. Вместо этого ему выдали халат лабораторного исследователя в одной из наименее уважаемых медицинских школ Лондона. *Royal Free* – именно там в течение следующих 13 тревожных лет он будет стремиться выполнить обещание, данное самому себе той ледяной ночью в Торонто.

Оглядываясь в прошлое, я понимаю, что многое было на стороне Уэйкфилда. Эта комбинация уверенности и личной харизмы позволяла бегать с мячом и возглавлять команды. Медицинские исследование – это как раз сочетание вдохновения и командной работы, наиболее продуктивной, когда ее лидеры обладают достаточным мужеством. Все это у него было, плюс спокойная решимость доказать, что его идеи верны. Но смелость в науке – это еще и способность признать свою неправоту. Именно этот момент вызывал у сына

Бриджит главную проблему, а это могло повлиять на многие жизни, не только на его собственную.

2. Должно быть, это корь

Больница и медицинская школа *Royal Free* в Хэмпстеде располагаются в 6 километрах к северу от Трафальгарской площади, на склоне одного из самых больших лондонских холмов. Комплекс, окруженный террасами таунхаусов XVIII века, кирпичными церквями XIX века, лугами и лесами Хэмпстед-Хита, возвышался над окрестностями, как бетонный замок. Эти четырнадцать этажей брутального модерна с воздуха смотрелись как огромный крест неправильной формы.

Royal Free – это табличка, прямо как USS Enterprise, которую переносят с одного корабля на другой. В 1830-х годах госпиталь под таким названием стоял абсолютно в другом месте. Слово *Royal* на табличке появилось в честь оплатившей его молодой королевы Виктории, а *Free* означало, что в этой больнице помощь оказывалась бесплатно, хотя до формирования Национальной службы здравоохранения оставалось еще около 100 лет. На протяжении веков это было единственное в столице учебное заведение, готовившее женщин-врачей, этакая Лондонская школа медицины для женщин.

Однако в конце 1980-х годов, когда Уэйкфилд приступил к работе, госпиталь уже не считался передовым образовательным и лечебным учреждением. По словам декана, меди-

цинская школа почти обанкротилась, а в больнице (которая сдавала под школу четверть здания) сильным считали одно отделение – гепатологию.

Уэйкфилд приехал сюда в ноябре 1988 года, когда ему стукнуло 32 года. В том году на место Рональда Рейгана в Белый дом пришел Джордж Буш-младший. Голливуд представил свой первый фильм про аутизм – «Человек дождя», который в итоге получил «Оскар», а всего через несколько месяцев британец Тим Бернерс-Ли изобрел всемирную паутину.

За два года до своего переезда Уэйкфилд женился на Кармел. Кармел Филомена О’Донован – такая стройная светловолосая Зельда для своего Скотта. Они познакомились во времена студенчества в школе Святой Марии. Как и Уэйкфилд, она не стала практикующим врачом и быстро переключилась на работу в Союзе медицинской защиты, который занимался врачебными ошибками. «Это дама из тех людей, которых запросто возьмешь с собой в драку», – оценил ее очарование один из поклонников.

Пара жила со своим первенцем, Джеймсом Уайеттом Уэйкфилдом, в двухэтажном доме с террасой недалеко от приливного участка лондонской Темзы в западном районе Барнс-Бридж. Пока молодой папаша добирался на новое место работы на поезде (13 километров!), у него было время обдумать свою миссию – найти загадочного возбудителя болезни Крона.

В избранной им области медицины настали интересные времена. Воспалительные заболевания кишечника все еще не раскрыли своих секретов, но чуть выше по пищеварительному тракту, в желудке и двенадцатиперстной кишке (самая верхняя часть тонкой кишки), два австралийца обнаружили нечто интересное. В Королевской больнице Перта патологоанатом Робин Уоррен и клиницист Барри Маршалл начали публиковать статьи о спиралевидной бактерии (которая затем получила название *Helicobacter pylori*), причем они утверждали, что именно она вызывала язвенную болезнь. И самое главное, оказалось, что ее можно убить совсем дешевыми антибиотиками.

Ученые оказались правы и позже разделили за свое открытие Нобелевскую премию. Тем не менее на тот момент в медицине с их мнением никто не считался. Любой терапевт сказал бы вам, что язвы вызваны избыточной секрецией желудочного сока, стрессом, неправильным питанием, курением, алкоголем или плохими генами. Затем вам прописали бы пригоршню антацидных таблеток, которые надо принимать бесконечно долго. Они, скорее всего, облегчили бы симптомы, если, конечно, верить рекламе производителя.

И все же исследование этих докторов из Перта опубликовал *The Lancet*, второй по значимости медицинский журнал во всем мире. Впервые его выпустил в Лондоне в 1823 году известный смутьян, политик-хирург Томас Уакли, который любил скандальные постулаты. Он оценил исследование Уо-

ррена и Маршалла, и в июне 1984 года на самом престижном месте, практически сразу за обложкой, была напечатана их четырехстраничная статья

«Неопознанные изогнутые бактерии в желудке у пациентов с гастритом и пептической язвой».

Уэйкфилд много лет наблюдал за Уорреном и Маршаллом, ведь он задавался такими же серьезными вопросами. И всего через несколько недель после того, как он устроился в небольшом кабинетике на втором этаже *Royal Free*, рядом с ужасным музеем патологии, ему достался рождественский двойной выпуск *The Lancet*. Теперь австралийцам вместе с семьей соавторами достались пять страниц в самом начале журнала.

Хитфилд... Момент Гиннеса... Уоррен и Маршалл... все это стало началом истории Уэйкфилда. Спустя годы всевозможные кабинетные эксперты будут искать объяснение в средствах массовой информации, социологии и мистическом духе того времени, почему же миллионы людей заинтересовались вакцинами. Но и причинами, и следствием были только реальные люди и конкретные факты.

Уже через 11 месяцев последовала ожидаемая реакция: вдохновленная австралийцами команда под руководством Уэйкфилда разродилась статьей, которая заняла шесть страниц в самом начале *The Lancet*. С помощью электронных микроскопов они фотографировали архивные препараты кишечника пациентов с болезнью Крона и обнаружили там

воспаление эндотелиальных клеток с их некрозом, а также закупорку кровеносных сосудов, снабжающих стенку кишки.

Шесть страниц в медицинском журнале № 2! Уэйкфилд свершил чудо. Публикация стала первым из двух результатов его работы. *The Lancet* мог изменить его карьеру, ведь самым важным показателем для декана и менеджеров *Royal Free* (что определило их поведение в будущем) была популярность их больницы в научной среде. В то время медицинские школы участвовали в национальном исследовательском конкурсе. Их оценивали по шкале от 1 до 5, основанной на количестве публикаций в престижных журналах. Эта шкала определяла долю государственных грантов, размер которых достигал сотней миллионов долларов. Лондонский университетский колледж, расположенный в 5 километрах к югу, получил пять баллов в двух важных областях. Школа Хэмпстед: 2 и 3 балла.

Таким образом, эти шесть страниц о болезни Крона могли трансформироваться в приличную сумму на счете школы. Но Уэйкфилду нужно было назвать этот вирус, и тогда декан, вирусолог по имени Ари Цукерман (роль которого в последующем скандале нужно обязательно отметить, чтобы до конца понимать происходящее), смог бы присоединиться к нему на фуршете в Букингемском дворце после того, как кто-то из них или даже оба преклонили бы колени перед Ее Величеством Королевой.

Некоторые исследователи буквально натываются на собственные открытия. Другие тщательно и упорно проверяют все, что можно. Но мистер Уэйкфилд, все еще называющий себя хирургом, решил сделать такой простой следующий шаг, что отсутствие у него какой-либо научной подготовки оказалось даже благом. Как он позже объяснил журналисту Джереми Лорансу, который процитировал эту строку в статье из девятисот слов:

Я сел с двумя томами учебника вирусологии и занялся вопросом.

Святая простота.

Когда я начинал свое расследование, живо представил себе подход Уэйкфилда. Книга, которую он взял на вооружение, называлась *Fields Virology* – два серебристо-красных фолианта, каждый весом в полкирпича. Энциклопедия вирусологии. Второе издание. Он сгруппировал в один столбик все описанные микробы (18 семейств) в алфавитном порядке, а напротив, во второй столбик, выписал данные о вызываемых ими заболеваниях, особенностях клиники и эпидемиологии, а также сведения о генетике. Этакое первое знакомство «кто есть кто».

Лоранс много цитировал Уэйкфилда, и мы должны быть ему за это благодарны. «Я дошел до вируса кори и описания, как он попадает в кишечник, вызывая там воспаление и изъязвления. Это же практически определение болезни Крона».

Вирус кори. Одноцепочечный РНК-вирус из рода Morbillivirus, семейство парамиксовирусов. На 32 страницах соответствующей главы предполагается, что он пришел к нам еще из Древнего Рима или Китая, где вызывал чуму крупного рогатого скота. Греческие отцы медицины, Гиппократ и Гален, никогда его не описывали, но, по мере развития городов, симптомы этой десятидневной детской болезни – лихорадка, кашель, сыпь и характерные белые «пятна Коплика» во рту – упоминались все чаще.

«В пятнах Коплика на слизистой оболочке эпителиальные клетки некротизируются и отслаиваются, оставляя крошечную неглубокую язвочку», – этот отрывок заставил сердце Уэйкфилда биться чаще.

Поражения, эквивалентные пятнам Коплика, во время продромы и в первый день манифестации могут быть обнаружены на слизистых оболочках по всему телу, включая конъюнктиву, слизистые рото- и носоглотки, гортани, трахеи, бронхов и бронхиол, а также во влагалище и по всей длине желудочно-кишечного тракта.

По всей длине желудочно-кишечного тракта. Прямо как болезнь Крона. Хотя чаще всего это заболевание встречается в подвздошной кишке (наиболее удаленной от желудка части тонкой кишки), пораженным может оказаться любой участок, начиная со рта и заканчивая анусом. Патологические элементы, эквивалентные пятнам Коплика. Итак... это

воспалительное заболевания кишечника было похоже на кишечную корь.

Эврика!

Так родилась первая великая гипотеза Уэйкфилда: болезнь Крона обусловлена вирусом кори. Следующим шагом было объявить о создании в Хэмпстеде группы по изучению воспалительных заболеваний кишечника. Он начал привлекать в команду других исследователей, обладающих всеми необходимыми навыками, чтобы вовремя вывести их на поле битвы, прямо как в регби.

– Мне казалось, что у этого человека была хорошая идея, ну или, по крайней мере, она выглядела таковой, – рассказывает Филип Майнор, на тот момент, заведующий отделением вирусологии в Национальном британском институте биологических стандартов и контроля, расположенном на северной окраине Лондон. – И он искал ученых-помощников.

Уэйкфилд знал, что его путь будет нелегким, ведь скептики не дремлют. Некоторые из них уже критиковали его микротопографии, которые никоим образом не доказывали, что воспаление при болезни Крона начинается вне кишечника, а не в самой стенке, как предполагалось ранее. Пошел слухок, что, возможно, бывший хирург просто ничего не понимает в науке.

– Он проводил семинар на моем факультете, – вспоминает один из академиков, – а там работало много фундаментальных ученых, очень, очень умных людей, которые всю жизнь

работали с кровеносными сосудами. Он выступил с речью, тогда я впервые услышал, как он собирается творить науку. Я сидел там, на каком-то подобии часового семинара, и примерно через три предложения потерял суть доклада этого парня.

Вы только что прочли мнение работника одного из медицинских учреждений, заведения, которое раньше допускало ошибки. «Все знают, что желудок стерилен», – цитировал скептиков австралиец Робин Уоррен, когда получал свою медаль в Стокгольме. Специалисты заверяли его, что кислотность желудочного сока настолько высока, что никакие микроорганизмы там не выживут. И даже если бы они могли это сделать, кто-то другой наверняка бы заметил раньше. «Почему их раньше никто не описал?»

Уэйкфилд воодушевился таким подходом. Как и австралийцы, он не терял самообладания. Его вряд ли узнавали и выделяли из семисот сотрудников школы, но он, по крайней мере, был соавтором статей в журналах *Gastroenterology* и *Gut*, в которых его команда продолжала печатать свои исследования. А в апреле 1993 года об Уэйкфилде снова заговорили. Это произошло после публикации в *Journal of Medical Virology*, известном читателям как *J Med Virol*. Редактором издания был Цукерман, декан медицинской школы.

«Эти исследования показывают, что для вируса кори характерно такое явление, как персистенция в тканях кишечника, – подытоживал Уэйкфилд после девяти страниц текста

и изображений, – это же явление обнаружено в тканях, пораженных болезнью Крона».

В его резюме это будет двадцать седьмой журнал (в целом, их окажется 80, они сделают его карьеру, но и разрушат ее). *J Med Virol* не самое авторитетное издание. Тем не менее вместе с командой из шести сотрудников, которые были перечислены как соавторы, он сообщил о впечатляющих результатах. При поиске вируса в тканях, пораженных болезнью Крона и удаленных хирургическим путем, они использовали три метода (все соответствуют лабораторным стандартам), один лучше другого. Первый позволил обнаружить вирус у 13 из 15 пациентов, второй – у 9 из 9, а третий – у 10 из 10.

Первый метод, известный как «иммуногистохимия», заключается в определении белков вируса, которые кодируются в его РНК. Другой, «гибридизация *in situ*», позволяет найти саму РНК. Но ни один из них не сравнится в надежности с электронной микрофотографией. Микроскоп увеличил образцы в 85 тысяч. раз и, как казалось его команде, поймал добычу.

Вирус там был, или, по крайней мере, они так считали. На фотографиях на фоне лунного пейзажа из кратеров, капель, завихрений и пятен были обнаружены нечеткие тени, которые он подробно описал в 260 словах. Уэйкфилд отметил объекты, «соответствующие плотно упакованным вирусным нуклеокапсидам», «вирусным частицам» и «инфицирован-

ным» клеткам. Этот момент стал судьбоносным.

Вторым результатом работы Уэйкфилда на новом месте были деньги, которые он собрал, будь то гранты от Государственного совета по медицинским исследованиям, благотворительные отчисления на исследования воспалительных заболеваний кишечника или, что случалось даже чаще, финансирование от фармацевтической промышленности. В Торонто он получал деньги от *Wellcome Trust* – одного из представителей богатейшей британо-американской лекарственной империи. Компания была основана торговцем из Висконсина Генри Велкомом. Тем не менее даже после продления финансирования до 1993 года, его чаша для подаяний требовала большего.

Тем временем, его работа отразилась и на благосостоянии семьи. Вместе с Кармел они переехали на запад Лондона, в один из тех больших кирпичных домов с террасами и эркерными окнами на короткой улице рядом с железнодорожной линией, идущей от вокзала Ватерлоо. Теперь они платили аренду как семья с двумя детьми: у них родился второй сын, которого они называли Сэмюэлем Райдером, в честь прадеда (отца Эдварда Мэтьюза), еще одного выпускника Сент-Мэри 1896 года.

Большая часть работы Уэйкфилда была рутинной, даже скучной по сравнению с предстоящим волнением. Но время шло. Ему нужны были результаты. Скептики дышали в затылок. Критики отметили, что его гипотеза связывает болезнь

Крона с корью, однако на тот момент в развитых странах количество пациентов с болезнью Крона росло, а корь с появлением иммунизации почти исчезла. Менее целеустремленный человек мог бы после такого провести в баре недели три. Но Уэйкфилд сказал, что это очевидное противоречие вдохновило его (позже я приведу другое видение ситуации). Вакцины против кори содержали ослабленный, но живой вирус. Следовательно, начал рассуждать Уэйкфилд, они также могут вызывать болезнь Крона. Вот почему распространенность этой болезни росла вместе с показателями иммунизации.

Для доказательства такой гипотезы определенно нужны деньги. И он знал, как их получить. Снова и снова я слышал об этом замечательном качестве, которого, честно говоря, нет почти ни у кого. «Харизма... харизма...». Его поразительная психологическая сила красной нитью проходит сквозь всю историю его жизни. Уэйкфилд применил свой самый яркий талант и очаровал руководителей фармацевтических компаний, а также глав благотворительных и некоммерческих организаций. Он заманил *Upjohn* из Мичигана, *Searle* из Иллинойса, швейцарского гиганта *Hoffmann-La Roche* и лондонскую *Glaxo* (позже *GlaxoSmithKline*, или *GSK*). Ему в шляпу подбросили, очевидно, не три копейки.

Такая поддержка не совсем удобна для его последующих заявлений, что он стал жертвой интриг со стороны *Big Pharma*. И, что еще более парадоксально, следующий шаг на

тропе его войны с вакцинами был частично профинансирован компанией *Merck of Rahway*, Нью-Джерси – производителем вакцин номер один в мире. «Это была своего рода базовая работа», – шутит один из бывших руководителей, – «но деньги на нее он взял у *Merck*».

Теперь его команда переключилась с вирусологии на эпидемиологию и провела два несвязанных между собой исследования (в 1950-х и 1960-х годах). Одно заключалось в оценке состояния здоровья детей до введения противокоревой вакцины, а второе – в раннем испытании прививок. В письме участникам (по крайней мере тем, кого можно было отследить), Уэйкфилд пришел к выводу, что болезнь Крона в три раза чаще встречалась у привитых лиц.

Его целью снова был *The Lancet*, ведь публике надо угодить. Этот медицинский журнал читают специалисты всех областей, и он затрагивает популярные, иногда откровенно бульварные темы, ставя под сомнение факты, которые считались аксиомой в медицинских школах. В итоге, в апреле 1995 года он напечатал свое исследование на трех страницах *The Lancet*, перечислив в соавторах четырех людей, в том числе профессора гастроэнтерологии *Royal Free* Роя Паундера и своего друга, Скотта Монтгомери, которые еще сыграют свои роли в последующем позорном спектакле.

The Lancet рискнул. Но свое имя он хранил, поэтому часто заказывал дополнительные, по сути, редакционные статьи, чтобы специалисты не жаловались на экстравагантные

исследования. В данном случае «комментарий заказали» у двух ученых из Управления по контролю качества пищевых продуктов и медикаментов США. Уэйкфилд, по их мнению, пытался сравнить холодное с мокрым. «Существовали фундаментальные различия в способах набора и оценки испытуемых и в том, как классифицировались результаты», — писали они о дизайне исследований 1950-х и 1960-х годов.

Честно говоря, команда журнала признала недостатки статьи. Они были очевидными. Уэйкфилд ничего не доказал. Согласно его исследованиям, вирус кори может сохраняться в тканях кишечника. Эта персистенция, вероятно, является фактором риска. У лиц с болезнью Крона, возможно, повреждена иммунная система. И связь с прививками настолько неочевидна, что в названии самой статьи был поставлен вопросительный знак.

«Является ли вакцинация против кори фактором риска воспалительных заболеваний кишечника?»

Предостережения были очевидны. Их подвинули с первой страницы, чем вызвали в сообществе пару смешков. Некоторые отнесли заголовок к одному из примеров «правила Хинчлиффа» (известного в журналистике как «закон Беттериджа»): когда задан вопрос, на который можно однозначно ответить «да» или «нет», правильным всегда будет отрицательный ответ.

Тем не менее Уэйкфилд обратил внимание на вакцины, а

не только на корь, как на причину болезни Крона.

Но где же ему было найти доказательства этой радикальной идеи?

3. Сигнальный случай

Как позже будет рассказывать Уэйкфилд, он занялся темой аутизма у детей после телефонного звонка одной из несчастных матерей.

В некотором смысле так и было. Пятница, 19 мая 1995 года. В кабинете Уэйкфилда на втором этаже раздается звонок. Женщина рассказывает ему историю своего 6-летнего сына. После этого все изменилось.

Мать этого ребенка запустила и мое расследование. Так что, можно считать, что именно она свела нас с Уэйкфилдом. Я буду называть ее «Мисс номер Два», а ее сына «Ребенок номер Два», в соответствии с номером, который им присвоят в его печально известном исследовательском проекте. «Два» не значит «второстепенные». Они были невероятно значимыми и оказали наибольшее влияние на медицинское сообщество. Ребенок номер Два был так называемым «сигнальным случаем».

Мальчик родился в конце июля 1988 года, доношенным, весом 3,9 килограмма, без намека на какие-либо заболевания. Беременность у матери протекала без осложнений, как и сами роды. И через пару минут ребенку поставили максимальные 10 баллов по шкале Апгар (мнемонически для запоминания используют правило – APGAR – Appearance, внешний вид, *Pulse*, ЧСС, *Grimace*, гримаса в ответ на раздраже-

ние, Activity, активность мышц и Respiration, дыхательные движения), по которой до сих пор оценивается состояние новорожденных.

Ребенок номер Два был доставлен из больницы домой, в графство Кембриджшир, к северо-востоку от Лондона. Он был полностью готов к той жизни, которую могла обеспечить английская семья среднего класса XX века. Отец мальчика работал инженером в компьютерной сфере, а мать – информационным менеджером и бизнес-аналитиком в ведущем туристическом агентстве столицы. В семье все шло своим чередом. Взгляд мальчика стал более острым. Он катался по полу, бормотал и смеялся. Потом ребенок начал ползать, кружить, хватаясь за мебель. Он издавал звуки, слоги – «мама...nana» – и в один прекрасный день сам поднялся на ноги, даже сделал пару шагов без поддержки, прежде чем упасть. Для любого родителя в этом заключается высший смысл жизни и экзистенциальное удовлетворение.

Второй год. Мальчик рос красивым, у него были светлые волосы и голубые глаза. Ребенок плескался в ванне, любил свою игрушечную собачку с виляющим хвостиком и строил башенки из кирпичей.

Но, к сожалению, идиллия подходила к концу. Отчаяние уже дышало в затылок родителям. Согласно медицинским записям, изменения появились в середине второго года жизни ребенка, за несколько месяцев до его дня рождения. Он стал «замкнутым и отстраненным», с «ночными приступа-

ми крика» и эпизодами «тряски головой». Вы бы удивились, узнав, сколько младенцев проходят такую фазу развития абсолютно без последствий. Но не в случае Ребенка номер Два. Он начал игнорировать своих родителей и перестал разговаривать.

Было время, когда Мисс номер Два могла держать мяч, а ребенок – ее второй сын – называл его «мяч». Она показывала на книгу, и он говорил «книга». Но затем «мяч» превратился в «яч», а «книга» в «игу», и весь его словарный запас постепенно иссяк. «Последнее слово, которое он потерял, было “сок”», – рассказывает мне Мисс номер Два, когда я появляюсь у них в доме через восемь лет после ее телефонного звонка Уэйкфилду. – Оно трансформировалось в “оук”, затем вообще в “ооо”, а потом и эти звуки исчезли».

Никакой причины или объяснения этим изменениям так и не нашли. В течение нескольких лет Ребенок номер Два полностью регрессировал: потерял речь, навыки игры и внимание к окружающим, в результате чего специалисты стали использовать такие прилагательные, как «аутистичный» и «отсталый». Но врачи все же избегали точного диагноза.

Мало кто из родителей будет терпеть такой кошмар. И эта мать меняла специалистов как перчатки. До того как она позвонила Уэйкфилду, был профессор Драйбург, доктор Хантер, профессор Невилл, доктор Хик, профессор Уорнер, доктор Роллс, доктор Касс, мисс Мур, доктор Ричер, доктор Сильвейра, профессор Дэвис, мистер Мартин, профес-

сор Гудьер, доктор Бхатт, доктор Кавана и доктор Возенкрофт.

И вот пришло время врача без пациентов.

Поводом для телефонного звонка стала публикация Уэйкфилда в *The Lancet*, та самая, с вопросительным знаком, в которой предполагалась связь вакцины с болезнью Крона. Несмотря на явные провалы в дизайне исследований, пренебрежительные комментарии ученых FDA и этот знак вопроса в конце, статья явно привлекла внимание общественности. Свою роль сыграла и медицинская школа *Royal Free*. В рамках запланированных изменений в системе здравоохранения Лондона она должна была объединиться с ее более успешным соседом – университетским колледжем Лондона. В надежде на руководящую должность на образовавшемся объединенном факультете декан Хэмпстеда, Ари Цукерман, ухватился за статью Уэйкфилда в престижном журнале. Несмотря на 35 лет исследовательского опыта, он согласился провести пресс-конференцию.

Спустя годы он назовет свое решение «катастрофой». Сидя среди юристов и врачей на самом продолжительном в Британии слушании дела о неправомерном медицинском поведении, он выразит свое «сожаление» в связи с тем, что назвал «почти резким» падение распространения вакцинации *MMR*. Показатели иммунизации за 12 месяцев снизились всего на 0,3 % (с 91,8 до 91,5 %), но количество детей до двух лет, которые будут прививаться в последующие 20

лет, уже не восстановится до прежнего уровня.

В медицине пресс-конференции собирают по новым передовым методам лечения или при вспышках инфекционных заболеваний, но никак не для распространения каких-то предположений среднего лабораторного исследователя. Однако утром 28 апреля, в пятницу, в обшитой деревянными панелями комнате *Marsden* напротив трибуны для выступлений уже были выставлены ряды стульев с мягкими спинками. Уэйкфилд занял свое место. Он облачился в светлый пиджак, узорчатый галстук на доверху застегнутой рубашке и темные брюки. Его волосы казались странными, словно густо намазанными гелем. На левый нагрудный карман Уэйкфилд прикрепил удостоверение личности с фотографией и мальтийским крестом со львом в центре. Его правая рука сжимала пульт проектора, который переключал слайды на тканевом экране. «Гипотеза», было написано на одном из них белым по синему.

Болезнь Крона вызвана клеточным иммунным ответом на персистенцию вируса в эндотелии капилляров брыжейки.

Этим вирусом может оказаться корь.

Это не стало сенсационной новостью в газетах. *The Guardian* напечатал о пресс-конференции триста слов на странице 8; *The Times* – девяносто шесть на странице 4. Но тут на сцену вышла Британская радиовещательная корпорация. Новый научный корреспондент, получивший образова-

ние в области физики и компьютеров, выделил на медицину 13 минут в передаче *Newsnight* на BBC2.

«Статья в медицинском журнале *The Lancet* предполагает, что вакцинированные лица рискуют в качестве бонуса получить хроническое заболевание кишечника», – заявил ведущий шоу, едкий темноволосый интервьюер со склонностью к преувеличениям по имени Джереми Паксман. «Намек на то, что вакцинация полезна не для всех и не всегда, противоречит подходу, который, как сообщает наш научный корреспондент Сьюзан Уоттс, уже давно принимают на веру». «*На веру*»? Не потому, что эффективность и безопасность вакцин давно доказана медицинской наукой? Но Уоттс зашла еще дальше. Вместо того чтобы открыть *The Lancet* и почитать комментарии FDA, она добавила к воспалению кишечника еще и повреждение мозга, указав при этом *MMR* (о которой в статье Уэйкфилда даже не упоминалось), как возможную причину обоих заболеваний.

Мисс номер Два сказала мне, что она никогда не смотрела трансляцию. Но Уоттс объединила кадры с мероприятия в Хэмпстеде, выступления со встречи «противников вакцинации» (которая, как мне кажется, была организована для камеры), правительственные предупреждения об опасности кори, отрывок о 8-летнем ребенке (без уточнений, что именно с ним не так) и студийное интервью с женщиной по имени Джеки Флетчер, одетой в алое платье.

– Итак, миссис Флетчер, – обратился к ней Паксман, –

вашему сыну Роберту сделали прививку, когда он был еще совсем маленьким. Какие побочные эффекты от нее развились?

– Ровно через 10 дней после *MMR* он серьезно заболел, – ответила она, – и вся наша жизнь изменилась.

Помимо платья, в глаза бросались ее волосы – темные, до плеч, резко зачесанные от центра – и пронзительный карий взгляд. Она описала, как у ее ребенка в возрасте 13 месяцев случился припадок, а позже у него развилась тяжелая эпилепсия и проблемы с обучением (не заболевание кишечника, не аутизм – эпилепсия!). Она утверждала, что родителям нужна дополнительная информация по таким вопросам, и косвенно упомянула группу, которую она основала 16 месяцев назад, с двусмысленным названием – *JABS*. В большей части Британии на жаргонном сленге это слово обозначает введенную вакцину, а официальная расшифровка звучит как «justice, Awareness, and Basic Support: справедливость, осведомленность и базовая поддержка».

Бывшую работницу банка, 38-летнюю Флетчер, нельзя было на 100 % назвать бескорыстной. После запуска *JABS* она собиралась подать в суд на производителей вакцины. Но у нее не было шансов сделать это в одиночку. Оплатить такую колоссальную битву в Великобритании могла только государственная юридическая помощь. И это означало, что ей нужно было найти сотни семей с такими же претензиями.

В то время безопасность тройной вакцины не вызывала

сомнений. Флетчер надеялась разрушить эту аксиому. Таким образом, после появления в той же передаче, что и Уэйкфилд, она позвонила ему в Хэмпстед и посоветовала другим сделать то же самое.

Мисс номер Два оказалась первой. Ей тогда было 40 лет – женщина была на два года старше Уэйкфилда – и она выросла в Престоне, некогда известном заводском городке в 350 километрах от Лондона. Когда он поднял трубку, Мисс номер Два быстро, уверенно и настойчиво заговорила на северном-западном английском.

– Пожалуйста, выслушайте меня, – начала она.

И он выслушал. Звонок длился около двух часов.

– Она была чрезвычайно красноречивой женщиной, – вспоминал Уэйкфилд спустя годы, – ее история действительно имела смысл.

Тем не менее вначале его смутил подход матери. Действительно ли она набрала нужный номер? Ее ребенку был выставлен диагноз из ряда аутистических отклонений: в то время это было целое семейство заболеваний, включающих в себя особенности, недостатки, а иногда и явные нарушения мышления, общения и поведения. Но почему она звонит гастроэнтерологу, и в придачу лабораторному? По его словам, он отреагировал с удивлением. Да, до резидентуры по хирургии он изучал общую медицину, но в начале 1980-х, когда он учился в Сент-Мэри, «аутизм» даже не проходили.

– Извините, я не знаю, как Вам помочь, – ответил он, – я

ничего не знаю об аутизме.

На что Мисс номер Два ответила (по крайней мере, по его словам):

– У моего ребенка ужасные проблемы с кишечником. И я считаю, что эти нарушения и его поведение как-то связаны. Когда барахлит пищеварение, он ведет себя ужасно, когда с кишечником все в порядке, мальчик не так уж и плох.

И они продолжили разговор, объединивший их поиски. Оба позже вспоминали, что Мисс номер Два настояла на том, что ее сын пострадал от вакцины. «Она очень четко и однозначно сказала, что ее абсолютно здоровый ребенок начал регрессировать через несколько недель после *MMR*», – подчеркнул позже Уэйкфилд в одном из бесчисленных интервью.

Регресс. Термин, который ни один родитель не хотел бы услышать о своем сыне или дочери. В то время считалось, что у четверти или даже трети детей с аутизмом болезнь возникает именно так: младенец (обычно мальчик) нормально развивается до 1–2 лет, а затем теряет языковые и социальные навыки. Эксперты связывали это с быстрым изменением структуры мозга и нарушением экспрессии генов.

Мисс номер Два была ошеломлена вниманием доктора. Ее никогда раньше не слушали так внимательно. Но трудовой договор Уэйкфилда не предусматривал ухода за пациентами, так что в ту пятницу у него было много того ресурса, которого часто не хватает врачам – *времени*. У него не бы-

ло смотровой, палат или списка пациентов, о которых нужно было позаботиться. Его дни были распланированы так, как он того сам хотел. Уэйкфилд практически никого не учил, у него была только одна забота: доказать, что вирус кори, особенно в вакцинах, является причиной болезни Крона.

Мисс номер Два не знала, что Уэйкфилд – это врач без пациентов, но Флетчер проинформировала ее о сфере его деятельности. Участница кампании *JABS* рассказала не только о статье в *The Lancet* с вопросительным знаком, но и о его более ранних работах, в частности, об исследовании в *J Med Virol*, где утверждалось, что вирус кори можно обнаружить при заболеваниях кишечника.

– Это был момент прозрения, – сказала мне Мисс номер Два, когда мы встретились, – Джеки мне все объяснила, и я узрела потенциальный механизм. Это и был поворотный момент.

Уэйкфилд слушал женщину с большим воодушевлением. Ее рассказ соответствовал его интересам. По словам матери, ее сын страдал от боли в животе и диареи – возможных симптомов воспалительного заболевания кишечника. И она пришла к выводу, что это было вызвано вакциной. Вирус кори привел и к отклонениям в поведении мальчика.

– Иногда мне кажется, что на него повлияла *MMR*, – сказала она доктору, – теперь он ведет себя, как аутист. Мне кажется, что повреждение мозга вторично по отношению к заболеванию кишечника.

Это было предположение. Уэйкфилду оно понравилось. Как и он, Мисс номер Два была ребенком доктора. Ее покойный отец был врачом общей практики в Престоне, оставив ей в наследство большие идеи, которые в ту пятницу она репетировала по телефону.

Столкнувшись с загадками, которые так хотелось разгадать, она начала лечить сына всеми возможными средствами. Она пробовала альтернативные добавки. Сотрудник больницы предложил диету Фейнгольда, целью которой было исключить пищевые красители и консерванты. Она убеждала врачей колоть ее сыну огромные дозы витамина B₁₂ («Я попробовала, и это сработало», – убеждала она меня). Женщина присоединилась к родительской группе под названием «Аутизм, индуцированный аллергией», где ее познакомили с понятием «опиоидный избыток». Согласно этой теории, определенные вещества в продуктах питания, особенно в хлебе и молоке, могут вызывать аутистическое поведение.

«Все это было озвучено четко и ясно. Очевидно, она очень тщательно изучила вопрос», – вспоминает Уэйкфилд.

Он прислушался к ее идеям. Мисс номер Два говорила о «метаболических заболеваниях», «сульфатировании» и «патогенезах». А в родительской группе, как она подчеркнула, было много семей с такой же проблемой, как и у нее.

Это звучало слишком хорошо, чтобы быть правдой.

У этой женщины, похоже, было все, в чем нуждался Уэйкфилд. У них многое совпадало даже в образе мышления. Ви-

тамин В₁₂ (который всасывается с пищей, в основном, в подвздошной кишке) интригуяюще отвечал его гипотезе. Забудьте об электронных микроскопах, образцах ткани или сомнительных эпидемиологических критериях из древних исследовательских проектов. Ребенок номер Два и другие дети из родительской группы могли стать *живым доказательством* того, что вакцины вызывают болезнь Крона.

Он тут же предложил женщине запросить медицинское заключение специалиста. «Моей единственной заботой на том этапе было клиническое благополучие ребенка, – утверждал Уэйкфилд позже, во время того же дисциплинарного разбирательства, на котором допрашивали декана, – мой долг, как врача и как человека, был среагировать на тяжелое положение, в которое попала мать».

Уэйкфилд порекомендовал австралийца по имени Джон Уокер-Смит; тогда он работал в другой лондонской больнице, в 7 километрах к югу, под названием *St. Bartholomew's*, или, чаще, *Barts*. Этому профессору детской гастроэнтерологии было 58 лет, и он (после более чем двух лет уговоров) собирался переехать со своей командой в Хэмпстед. Он также пригласил двух консультантов, имеющих опыт в колоноскопии.

Воодушевленный звонком матери, Уэйкфилд позвонил Уокеру-Смиту. Как результат, одним ясным августовским вторником 1995 года, через 10 недель после двухчасовой беседы, которую я описал, Мисс номер Два поехала со своим

сыном, которому тогда было *семь*, за 140 километров к югу, в Лондон.

В *Barts* австралиец собрал акушерский анамнез.

Нормальная беременность, нормальные роды...
Кормление грудью до 20 месяцев... Диарея началась в
18 месяцев... Введение вакцины *MMR* в 15 месяцев...
с тех пор состояние ухудшилось.

Его отчет, конечно, был более длинным и подробным. Затем, осмотрев мальчика, Уокер-Смит добавил в свои записи повторяющуюся строку из трех букв.

Живот – Н... Анус – Н... Рот – Н.

Это означало «Норма, патологии не обнаружено».
Его заключение гласило: «Нет доказательств болезни
Крона».

«Ребенка направил ко мне Энди Уэйкфилд из *Royal Free*, так как мама решила, что болезнь ребенка, которая действительно началась после *MMR*, – это кишечные проявления кори», – написал Уокер-Смит в своем письме другому доктору. И добавил, что, с его точки зрения, у ребенка развилась множественная пищевая аллергия или синдром раздраженного кишечника: «При осмотре нет абсолютно ничего, что могло бы предположить диагноз болезни Крона». Хорошие новости для Ребенка номер Два. Плохая новость для Уэйкфилда. Но он только начал. Большинство врачей рады, если не находят болезнь. Но только не этот. Он не мог просто отпустить ситуацию. «Эта женщина была умной и категоричной, и ее

история имела смысл, она не была противницей вакцин. Она ведь отвела своего ребенка на прививку. Но ему явно навредили. И этот случай стал для меня сигнальным», — сказал он о ее телефонном звонке много лет спустя.

4. Пилотное исследование

Джон Уокер-Смит не хотел переезжать в *Royal Free*, но понимал, что у него не остается выбора. В рамках оптимизации медицинских школ Лондона, которая подразумевала слияние некоторых из них, его отдел в *Barts* оказался под угрозой закрытия. Итак, после нескольких лет уговоров австралиец собрал свою команду и отправился на север, в Хэмпстед.

По его мнению, в мире существовала только одна больница, где можно было бы практиковать. *Barts*. Это должен был быть тот самый *Barts*, основанный монахами в 1123 году, тот *Barts*, который в Сиднее еще во времена его детства врачи, включая его родителей, называли «прародителем госпиталей Империи». Если бы в 1972 году Уокер-Смит не нашел бы там работу, он бы остался в Уэстмиде, Новый Южный Уэльс, в детской больнице *Royal Alexandra*. «Существует своего рода “апостольская преемственность” от древнегреческой медицины на Косе к *Isola Tiberina* (другой остров) в Риме, и, наконец, к *Barts* в Лондоне», – объяснял он.

Некоторые считали его снобом, в большей степени англичанином, чем сами англичане. Как говорится, «*Plus Anglais que les Anglais*». Другие считали, что эта его демонстрация культурного превосходства, на самом деле маскировала личную незащищенность. К примеру, он утверждал, что для Великобритании неприемлемым и неправильным шагом бы-

ло бросить свою колонию, Австралию, всучив ей независимость.

Уокер-Смит обошелся недешево. Чтобы уговорить его переехать в Хэмпстед, пришлось действительно расстелить красную дорожку. В шестиэтажном корпусе больницы для его приема были выделены кабинеты и целая лаборатория. Для пациентов Уокер-Смита была отремонтирована личная палата – Малкольм Уорд. А чтобы возглавить новое пафосное университетское отделение детской гастроэнтерологии, его статус был повышен до профессора.

В консервативном темном костюме, как всегда скрупулезно вежливый, он вступил в должность в сентябре 1995 года, изо всех сил пытаясь скрыть уязвимость своего характера. Его назначение было «событием международного значения», – радостно сообщил Уокер-Смит в своей автобиографии *Enduring Memories*. «Я должен был стать профессором и занять свое место в заседаниях кафедры вместе с другими профессорами медицины и хирургии».

В кабинете на втором этаже рядом с музеем патологии его встретили не менее тепло. Телефонный звонок Мисс номер Два, цитируя Уэйкфилда, «открыл плотину», поскольку она рассказала семьям из группы *JABS* о докторе, который умел слушать.

Уэйкфилд хотел, чтобы Уокер-Смит и его команда педиатров обследовали этих детей. Это была беспрецедентная возможность узнать о воздействии вируса кори на кишеч-

ник. Согласно общепринятому мнению, этот возбудитель выводится из организма в течение нескольких недель после вакцины, но может ли он остаться и вызывать болезнь Крона? И еще более смелая идея: связано ли это как-то с аутизмом? Предположения Мисс номер Два были такими интригующими. Уокер-Смит ухватился за шанс их проверить. Исследования были его давней страстью. В *Barts* его отделение имело единственную в Британии лабораторию, специализирующуюся на детской гастроэнтерологии, и ему хотелось сохранить свои позиции. Более того, его сотрудником стал бесспорный фаворит журнала *The Lancet*, в котором только что назначили нового главного редактора, Ричарда Хортон. Он работал в Хэмпстеде в 1980-х, в кабинете недалеко от обители Уэйкфилда.

Уокер-Смит решился на переезд еще по одной причине: он восхищался Уэйкфилдом. Он в буквальном смысле смотрел на него снизу вверх. Сам Уокер-Смит был невысокого роста, примерно на треть ниже среднего мужчины. Их коллеги вспоминали, что он чествовал Уэйкфилда как «настоящего принца». Когда австралиец заканчивал свою автобиографию (за несколько недель до моего появления в его жизни), он был под столь сильным влиянием врача без пациентов, что описывал его чуть ли не как английскую принцессу Диану.

Уэйкфилд высок, красив, умен и харизматичен. Прежде всего, он человек убеждений, человек

абсолютной искренности и честности. На самом деле, лучше всего его описывает вышедший из моды термин «искатель истины».

Для согласования исследований проводились многочисленные конференции и заседания, к работе привлекались все новые клиницисты. «Энди Уэйкфилд очень хотел заняться этой группой детей, – писал впоследствии Уолкер-Смит. – Моя собственная роль во всем этом была незначительной, Энди Уэйкфилд был руководителем исследования, дирижером оркестра – классическая роль гастроэнтеролога в исследованиях. Он собрал команду, отослал заявку в комитет по этике и провел пилотное исследование».

Первоначальный план состоял в том, чтобы обследовать 10 детей с болезнью Крона или подобным ему воспалением. Если бы гипотеза Уэйкфилда о вирусе оказалась верна, он бы нашел его *в подвздошной кишке*, последних нескольких сантиметрах тонкой кишки – наиболее частом очаге поражения.

В соответствии с шаблоном, который врачи называли «протоколом Уэйкфилда», каждый ребенок должен быть госпитализирован в воскресенье днем и выписан в следующую пятницу. За это время им предстояло пройти невероятное множество неприятных процедур, включая седацию или общую анестезию, магнитно-резонансную томографию головного мозга; электроэнцефалографию, общие анализы крови и мочи, люмбальную пункцию для забора спинномозговой жидкости, рентгенографию брюшной полости с барием, ра-

диоактивный тест Шиллинга на всасывание витамина В₁₂, и, что наиболее важно, колоноскопию с илеоскопией (исследование толстой и тонкой кишки, можно сократить до термина «илеоколоноскопия»).

Ни в одной больнице ранее не реализовывался такой проект. Руководство охарактеризовало его как «уникальный». Даже с учетом акцента на вред вакцин против кори, проведение колоноскопии при проблемах развития было чрезвычайно нетрадиционным подходом. Врачи задавались вопросом, как комитет по этике мог одобрить подобное мероприятие.

– На наших заседаниях мы обсуждали необходимость всех этих процедур, – объясняет Саймон Марч, педиатр-консультант, перешедший из *Barts* вместе с командой Уокер-Смита. – Это было действительно проспективно запланированное исследование с участием определенного количества детей, мы учли все наши возможности и ограничения.

Для начала родителям этих детей потребовалось взять направления от местных специалистов: это был единственный путь к неэкстренной госпитализации. Первое было запрошено в феврале 1996 года у врача общей практики на окраине Ливерпуля, в 300 километрах к северо-западу от Лондона. «Спасибо за то, что взяли этого мальчика», – написала она Уокер-Смиту о своем 6-летнем пациенте, «у которого после вакцины *MMR* развились поведенческие проблемы аутистического характера, тяжелые запоры и трудности в обучении».

Начало было многообещающим, и вскоре *Royal Free* станет Меккой для отчаявшихся семей с детьми с отклонениями в развитии. Как написала одна из матерей об Уэйкфилде:

«Он сказал, что есть тест, который [мой сын] мог бы пройти, чтобы понять, связано ли его состояние с прививкой от кори».

Какой родитель на ее месте не сказал бы «да»? Поэтому они стекались в Хэмпстед автомобильным, железнодорожным и воздушным транспортом отовсюду, в том числе из США. Уэйкфилд не забыл и о своем «сигнальном случае». Несмотря на то что Уокер-Смит считал, что у мальчика не было болезни Крона, этот ребенок был бы «ключевым» (если использовать термин профессора). Он станет одним из первых обследованным.

Фактически он был вторым (отсюда «Ребенок номер Два»), после того, как его мать позвонила Уокер-Смиту в мае того же года и записала его на исследование. Уэйкфилд поддержал эту идею, ведь вне зависимости от того, есть ли у мальчика болезнь Крона или нет, при колоноскопии все еще может выявиться слабое хроническое воспаление кишечника. Уокер-Смит согласился и встретился с этим пациентом и его матерью. Он заказал анализы крови на воспаление (которого не было обнаружено), а два месяца спустя, в воскресенье 1 сентября, поместил Ребенка номер Два в Малкольм Уорд.

Это было через пять недель после того, как был обследо-

ван Ребенок номер Один: 3-летнего мальчика привезли за пару сотен километров, но он разочаровал врачей. Даже после сильного слабительного у него был такой запор, что эндоскопист не смог добраться до его тонкого кишечника. И через три дня врач снова потерпел неудачу.

Затем обследованию по протоколу Уэйкфилда подвергся сын Мисс номер Два. В палате на шестом этаже больницы младший врач Дэвид Кассон собрал у матери анамнез, и она отметила связь заболевания с вакцинацией.

Мисс номер Два рассказала, что в 13 месяцев ребенок получил вакцину *MMR*, а через 2 недели после этого он начал трясти головой и кричать всю ночь.

То же самое она сказала детскому психиатру Марку Береловицу, который осматривал маленьких пациентов.

[Мисс номер Два] повторила, что [ребенок] начал трясти головой примерно через две недели после *MMR*, и с тех пор он вел себя как-то неправильно.

На следующее утро после прибытия маленького пациента повезли в эндоскопический кабинет, расположенный на четыре этажа выше Малкольм Уорд. Когда седативные препараты мидазолам и петидин подействовали, его перевернули на левый бок, чтобы ввести эндоскоп. Согласно этическим нормам, процедуру относят к «высокому риску», но большую часть своей карьеры Уокер-Смит посвятил гибким оптоволоконным эндоскопам, достаточно тонким для исполь-

зования в педиатрии. Тем не менее, после колоноскопии по протоколу Уэйкфилда кишечник одного из детей оказался перфорирован в двенадцати местах, что заставило больницу выплатить его родителям более полумиллиона долларов.

Чтобы добраться до подвздошной кишки (в которой для осмотра обычно доступны лишь несколько сантиметров), инструменту нужно пройти приличное расстояние. Сначала он должен минуть прямую и сигмовидную кишку (слегка S-образной формы), а затем пройти с левой стороны тела по нисходящей ободочной кишке до селезеночного изгиба. Там эндоскоп резко поворачивают и заводят в поперечную ободочную кишку, которая идет горизонтально к другому изгибу, печеночному. На правой стороне тела инструмент снова поворачивают в восходящую ободочную кишку и ведут по ней вниз к слепой кишке (расположена примерно в трех пальцах от бедренной кости), где отходит червеобразный отросток, аппендикс. Тут приходит время для еще более сложного маневра – прохождения илеоцекального клапана. Здесь толстая кишка, работа которой заключается в обратном всасывании воды из формирующихся каловых масс, переходит в подвздошную – участок тонкого кишечника, где всасываются питательные вещества, например, витамин В₁₂. Именно в этом отделе болезнь Крона проявляется хуже всего.

Обычно процедуру назначал Уокер-Смит. Но сам он не вводил эндоскоп. В случае Ребенка номер Два процессом руководил Марч. Он наблюдал за инструментом с помощью ви-

деомонитора, установленного на уровне лица в эндоскопическом кабинете. Марчу недавно исполнилось сорок, и он, как и его коллеги, был джентльменом с хорошими манерами. Он увлекался греблей и с гордостью заявлял, что может успешно пройти в тонкий кишечник ребенка в девяти удачных попытках из десяти.

Марч надел на рубашку и галстук зеленый одноразовый хирургический фартук и приготовился к обследованию Ребенка номер Два. Его руки были плотно обтянуты латексными перчатками, левая при этом сжимала пульт управления, а правая – корпус педиатрического колоноскопа *Fujinon*. Длина этого аппарата составлял около 1,5 метров, а диаметр 10–12 миллиметров. Сердцевина колоноскопа представляла собой стальную сетку, обернутую гладким полимером. По всему инструменту шли «провода для изгиба», которые позволяли поворачивать его сегментами, словно змею. С легкой руки доктора колоноскоп пошел по блестящим розовым коридорам, испещренным артериями и венами, – кишечнику восьмилетнего мальчика, находившегося под общей анестезией. Спереди виднелась линза с источником света, устройствами для продува и подачи воды, а также каналами для отсоса и инструментов.

Справа от Марча стояли две медсестры. За картинкой на мониторе наблюдали Мисс номер Два и Уэйкфилд, а также светловолосый молодой ученый по имени Ник Чедвик. Он был «координатором молекулярных исследований», поэто-

му ждал, пока заберут биоптат, чтобы проверить ткань на наличие вируса кори.

Добравшись до илеоцекального клапана, Марч почувствовал облегчение. Именно здесь случилось фиаско с Ребенком номер Один. И, совершив последний поворот, аппарат вошел в подвздошную кишку, осветив ее, ее как факел гробницу фараона. Вот и цель: хранилище сокровищ. По крайней мере, на это надеялся Уэйкфилд.

Думаю, мы никогда не узнаем его реакцию на то, что они увидели. Но Мисс Два призналась, что испытала ужас, когда инструмент достиг своей цели. В свете линзы поблескивали какие-то узелки: бледные и припухшие, проступающие через слизистую. Они выглядели мерзко, зловеще, неправильно. Она никогда не видела и не слышала ничего подобного. Но даже пребывая в шоке, она увидела доказательство.

– Врачи сказали, что это свидетельство воспалительного заболевания кишечника, – рассказала она Лоррейн Фрейзер, медицинскому корреспонденту *Mail on Sunday*, которая два с половиной года назад сообщила о создании группы JABS Джеки Флетчер. – Я почувствовала такое облегчение. Наконец-то мы нашли то, что искали.

Из головы «змеи» показались «челюсти» зубчатого пинцета, которые откусили крохотный фрагмент ткани. Затем аппарат отступил, прихватив еще пять кусочков из слепой кишки, восходящей, поперечной и нисходящей ободочной, а также из прямой кишки. Позже каждый из них их разде-

лили для проведения анализов. Один набор зафиксировали в формалине и отправили в патогистологическое отделение на второй этаж больницы, где ткань нарежали, поместили на предметные стекла и окрасили. После этого врач провел микроскопическое исследование полученных образцов. Другой набор отправился с Чедвиком в лабораторию на десятом этаже, где ткань заморозили в жидком азоте при температуре минус 70 °С и начали искать в ней следы вируса.

Но неделя не закончилась, последовали новые тесты. Ребенка номер Два возили из Малкольм Уорд на люмбальную пункцию, МРТ головного мозга, анализ крови на В₁₂, электроэнцефалограмму, анализы мочи и т. д. Все результаты были в норме. Однако патогистологи, изучавшие биопсию Ребенка номер Два, обнаружили слабое воспаление. Их ремеслом было микроскопическое исследование образцов тканей, которые в данном случае будут пересматриваться и анализироваться по мере роста и падения карьеры Уэйкфилда.

«Фокусы незначительного повышения количества воспалительных клеток с формированием лимфоидных скоплений и фолликулов не очень специфично, но могут соответствовать слабовыраженному неактивному хроническому воспалительному заболеванию кишечника», — ответили патогистологи через три дня после колоноскопии.

Опять эврика? Конечно, именно так посчитала команда Уэйкфилда. С учетом этого заключения Уокер-Смит поставил предварительный диагноз болезни Крона. Казалось бы,

они нашли то, что искали.

Болезнь Крона у восьмилетнего мальчика: мрачный диагноз и не менее мрачные перспективы. Мало того, что Ребенок номер Два столкнется с проблемами развития, его кишечник, скорее всего, будут воспаляться и изъязвляться. Этот пожизненный диагноз (со всеми своими периодами ремиссии и рецидивов) чаще всего подразумевает длительную и жесткую медикаментозную терапию, а также повторяющиеся операции. Как с этим справится глубоко аутичный человек? А ведь прогноз бывает еще хуже. Болезнь Крона повышает риск множества других состояний, включая депрессию, артрит, глазные болезни и рак. Некоторые виды лечения приводят к остеопорозу.

Позже Мисс номер Два сообщила мне (и это было ее впечатление, а не моя выдумка), что профессор не мог скрыть своего волнения. «Он прыгал по палате, как двухлетний ребенок», — описывает она визит Уокер-Смита в Малкольм Уорд, когда он сообщили о том, что у ее ребенка может быть болезнь Крона. Она цитирует: «Мисс [номер Два], Вы оказались правы».

5. Ребенок номер Четыре

Спустя годы представители американской организации «Мамы на борьбе с аутизмом» воспользовались возможностью подробнее узнать об Уэйкфилде. Его любимый фильм? «Доктор Живаго». Его любимый актер? Джек Николсон. Его любимая песня? *Your Tiny Hand is Frozen*. А «песня, которая напоминает о самом счастливом периоде вашей жизни?» *Andrea Bocelli Con Te Partiro*. Последнюю можно считать поп-оперой с насыщенной струнной партией и тончайшим кадансом. Четыре минуты романтики. Запоминающаяся мелодия, которую легко просвистеть. *Con Te Partiro* — «С тобой я уйду». Бочелли, известный тенор, впервые спел ее на публике в феврале 1995 года на фестивале в Сан-Ремо (Северная Италия). В течение следующих двух лет песня стала хитом, ее перевели на английский, и под названием *Time to Say Goodbye* эту композицию начал исполнять дуэт-сопрано (побивший немецкие рекорды продаж в феврале 1997 года).

Хороший саундтрек для экспериментального исследования. Этот проект должен был прославить имя Уэйкфилда, но в последующем его признают одним из самых неэтичных, мошеннических и разрушительных разоблаченных медицинских исследований.

В ходе проекта было обследовано 12 детей, и все результаты опубликовали в *The Lancet*. Данные о Ребенке номер

Один были получены в июле 1996 года, а о ребенке номер Двенадцать – в феврале следующего года. Возраст детей варьировал от 2,5 до 9,5 лет. Одиннадцать из двенадцати испытуемых были мальчиками. Девять детей прибыли из Англии, один из Уэльса, один – с британского острова Джерси, расположенного недалеко от Франции, и один – из Калифорнийского залива. Все получили наркоз, были обследованы, и биоптаты их кишечника были проверены на наличие вируса кори.

К этому времени Уэйкфилды снова переехали, теперь их дом был на Тейлор-авеню, 43, Кью. Этот процветающий зеленый район на западе Лондона прославился своим знаменитым ботаническим парком Кью-Гарденс, который раскинулся до самых трапов аэропорта Хитроу. Вместе с женой Кармел они купили виллу с шестью спальнями и тремя ванными комнатами, а в их семье случилось еще одно пополнение – маленькая дочь, Имоджен Мари.

Ребенок номер Два навсегда останется «сигнальным случаем». Но самым демонстративным окажется другой маленький мальчик, мать которого обратилась к Уэйкфилду в апреле 1996 года, за три месяца до того, как было выполнено первое обследование. Этому ребенку было девять лет, он прибыл из городка в Тайнсаиде, региона, когда-то известного своими угольными месторождениями и верфями, расположенного в 500 километрах на север от Хэмпстеда. По словам Уэйкфилда, история болезни этого пациента станет

«наиболее убедительным доказательством» вреда от вакцинации.

Я назвал его «Ребенок номер Четыре», а его мать — «Мисс номер Четыре».

«Уважаемый доктор Уэйкфилд!

Координатор *JABS* Джеки Флетчер посоветовала мне связаться с вами. У меня есть 9-летний сын [тот самый Ребенок номер Четыре], у которого диагностировали аутизм. Недавно я была у [юриста] в Ньюкасле, так как считаю, что прививка от кори и *MMR* может быть причиной состояния моего сына...»

Затем Мисс номер Четыре подвела итог:

«Не могли бы Вы высказать свое мнение обо всей этой ситуации и подсказать, существуют ли какие-либо тесты, которые могут помочь [моему сыну] и подтвердить, что прививки могли вызвать все эти проблемы?»

А проблем было много, и они были не менее серьезны, чем у второго ребенка. Но, в отличие от мальчика из Кембриджшира, Ребенку номер Четыре пришлось нелегко с самого начала. Матка его матери была необычной, так называемой «двурогой», в форме сердца или буквы «Y». Младенец появился на свет на пять недель раньше срока, и не головой вперед, а в более сложном ягодичном предлежании. И хотя Мисс номер Четыре предложили кесарево сечение, когда начались схватки, в больнице не было ни одного оперирующего

доктора. По поводу этого ребенка высказывались опасения, и позже было обнаружено, что в гене, обычно связанном с проблемами обучения, *Fragile X*, имелась «очень маленькая делеция» неизвестного значения.

— Это были ужасные роды, — говорит она на нашей встрече много лет спустя, после того, как она написала мне электронное письмо с предложением помочь.

— Я должна была сделать это много лет назад, но в то время была занята сыновьями и оставалась верна доктору Уэйкфилду, поскольку считала, что он был прав и говорил честно.

Эта женщина худощавого телосложения помогала в доме престарелых, а после окончания двухлетнего курса по дошкольной социальной помощи в течение 16 лет работала в сфере психического здоровья и инвалидности. Мне сразу понравился ее стиль. Мы встретились в баре на вокзале Нью-касла, куда она приехала в черной кожанке, сжимая в руках сумочку с металлическими заклепками, будто она примчала на мотоцикле.

Но когда она заговорила о своем первом ребенке, с мягким северо-восточным акцентом, мне стало сложно представлять ее верхом на железном коне.

— Мой сын постепенно регрессировал, превратившись из счастливого и здорового маленького мальчика в молчаливое беспомощное создание, — рассказала она. — Единственный навык, который у него остался до сих пор, — это владение

ложкой.

Она вспоминает, что Ребенок номер Четыре выучил около дюжины слов, прежде чем в возрасте приблизительно 15 или 16 месяцев его развитие замедлилось, а затем остановилось. Однако до четырех лет он все еще играл с игрушками и не демонстрировал повторяющееся поведение, которое часто определяет детский аутизм. По ее словам, где-то между четырьмя и пятью годами мальчик растворился в своем собственном мире.

– Он просто начал биться головой о стену, бегая вперед и назад, – говорила она, – меня он не узнавал. Все, что я слышала от него, – это какие-то тихие звуки. Все пошло прахом. У него не осталось никаких навыков, он больше ничего не мог делать, не мог играть. В возрасте двух лет он играл с машинами, гаражами и прочим. Все изменилось. Его нельзя было удержать, он бился головой о стену, и никто не мог ничего сделать.

Жизнь Мисс номер Четыре была разрушена. Не было никаких видимых причин катастрофы. Поведение отца мальчика было ужасным.

– Он обвинил меня, – говорит она, – и ушел от семьи. Он действительно думал, что это как-то связано со мной.

В отличие от Мисс номер Два, она не утверждала, что знает ответы. Я обнаружил, что большинство родителей, попавших в поле зрения Уэйкфилда, ждали ответов от него.

– Я не думала о *MMR*, – говорит она о том периоде, когда

у ее сына впервые возникли проблемы.

Но через пять месяцев она увидела вырезку из местной газеты, прикрепленную к доске объявлений с заголовком:

**«Безопасность вакцин под сомнением,
позвоните на горячую линию JABS».**

В нем был указан телефонный номер одной матери из группы Флетчер с пояснением, что ее сын регрессировал после прививки, и имя адвоката Ричарда Барра.

– На доске была целая история, – вспоминает Мисс номер Четыре о том моменте, когда она впервые заподозрила тройную вакцину, а ее сыну было восемь лет. – Это была та же ситуация, что и у моего мальчика. Ребенок был совершенно нормальным, а потом регрессировал и потерял навыки.

Она позвонила по номеру, указанному в газетной вырезке, а спустя несколько месяцев написала письмо Уэйкфилду. Через десять дней, к ее удивлению, он перезвонил, и у них состоялся разговор. Она записывала все от руки, мне досталась копия этих пометок.

– Доктор сказал мне позвонить ему или написать через 3–4 месяца, так как сейчас он набирает пациентов для исследования проблем с кишечником, вызванных корью. Если обнаружится, что причиной проблем моего ребенка была прививка, я смогу получить юридическую помощь.

У Ребенка номер Четыре, по словам матери, не было серьезных проблем с кишечником, за исключением периоди-

ческих приступов диареи, если он пил до этого фруктовый сок или йогурт. Но этот случай имел особую ценность для Уэйкфилда, поскольку вакцинация Ребенка Четыре была не совсем обычной. Он родился в январе 1987 года, за 20 месяцев до запуска вакцины *MMR*. Тройная прививка была впервые лицензирована в США в 1971 году, но в Британию она попала только в октябре 1988 года. Таким образом, в 15 месяцев мальчик получил однокомпонентную прививку от кори (которую делали в Великобритании с 1968 года), а затем тройную, ровно через четыре года и один месяц.

Итак, пациенту сделали две прививки от кори. Педиатры говорили, что любая связь между вакцинами и аутизмом – это результат простого совпадения. Первая доза *MMR* почти всегда вводилась на втором году жизни, и это именно тот период, в котором родители чаще всего распознают первые симптомы аутизма. Но анамнез этого ребенка был уникален. Учитывая две вакцины против кори, *MMR* вводилась позже, вдобавок Уэйкфилд мог проверить «двойной эффект» повторной прививки. Историю Ребенка номер Четыре сам он никогда не рассказывал, но письмо матери заставило его задуматься. И когда два месяца спустя она снова написала, что у сына понос от приема рыбьего жира, исследователь предложил ей обратиться к семейному врачу за направлением. На всякий случай он перезвонил и самому врачу.

В итоге одним из сентябрьских воскресений 1996 года, через три недели после обследования Ребенка номер Два,

Мисс номер Четыре вместе с сыном отправились из своего недорогого домика с террасой из кирпича и простенькой лепниной, чтобы провести шесть дней в Хэмпстеде. Четыре часа спустя они стояли у запертых дверей *Royal Free* на шестом этаже. Вот и Малкольм Уорд: просторное, светлое и достаточно уютное место с дюжиной кроватей, разделенное на два отсека, и боковые комнаты с ванными, достаточно большие, чтобы поставить дополнительную кровать для родителей. Игрушки для всех возрастов, круглый игровой стол и синий коврик создавали здесь необходимое для отдыха настроение.

Несмотря на приятную обстановку и приветливый персонал, Мисс номер Четыре вспоминает пребывание сына в больнице как ночной кошмар.

– Обычно вы верите врачам, – сказала она, вспоминая обследование, – я думала, что они проведут какой-то тест, чтобы попытаться выяснить, вызывает ли *MMR* аутизм. Вот почему мы согласились. Если бы я знала, что это подразумевает такие агрессивные процедуры, мы бы не поехали.

То, что мать была в стрессе, естественно, не облегчало ситуацию. К тому времени, когда Мисс номер Четыре встретила Саймона Марча, который должен был провести илеоколоноскопию следующим утром, женщина была так истощена поездкой и так надеялась на его помощь, что (с его слов) она даже заплакала. Протокол был тем же, как и для Ребенка номер Два. У матери собрали анамнез, мальчику подготови-

ли кишечник. Затем, в 8:30 утра понедельника, его отвезли в эндоскопический кабинет, на четыре этажа выше, и ввели успокоительное перед опасной процедурой.

Прямая кишка... толстая кишка... клапан... подвздошная кишка.

И снова они, *эти припухлости*. Сквозь слизистую оболочку проступали те же узелки, которые потрясли Мисс номер Два. Доктора использовали слово «гиперплазия». «Лимфоидная гиперплазия подвздошной кишки».

Мисс номер Четыре отметила в дневнике, что исследование заняло час. Позже она описала и несколько дней страданий сына. После серии анализов и процедур, которые прописал Уэйкфилд, сотрудники зафиксировали «безутешный плач Ребенка номер Четыре». Он дрался с медсестрами. В его стуле была обнаружена кровь. Он вытащил матрас из своей кровати, его неоднократно рвало, и он «плакал на протяжении всего обследования».

«Утро среды. В 9:15 назначена рентгеноскопия с барием, но [мой сын] не стал пить этот раствор. Его пытались удержать и напоить из шприца, но [он] боролся с ними. Пробовали вставить трубку в нос, но после безуспешных попыток сдались. Тогда они решили дать ему успокоительное, но передумали. Все отменилось».

Вот пример опыта, через который прошли семьи на этапе своих отчаянных поисков. Они бы сделали все, чтобы полу-

чить ответы о своих детях. И у Ребенка номер Четыре дела были плохи: через два дня после обследования этот девятилетний мальчик с глубоким аутизмом потерял сознание.

– Он рухнул в коридоре, – рассказывает мне Мисс номер Четыре, – а вокруг никого не было, и я попыталась вернуться к лифтам. Я, кажется, спустилась на пару этажей за ватой или за чем-то таким. Он шел и внезапно рухнул. Вокруг никого не было, не у кого было попросить помощи. Я запаниковала, а потом, не помню как, он снова рухнул.

Она вспоминает, что в тот день ребенок трижды падал в обморок. Другие дети в исследовании также пострадали. Например, при заборе крови у Ребенка номер Два потребовалась помощь трех человек. У четырехлетнего ребенка в результате люмбальной пункции возникла такая головная боль, что после выписки его мать вызвала скорую помощь. А Ребенок номер Пять в возрасте семи лет так плохо перенес пункцию под общим наркозом, что его срочно доставили на машине скорой помощи из дома в местную больницу и держали под наблюдением в течение двух дней. Мать последнего мальчика изначально сомневалась, что спинномозговая пункция вообще была необходима. «Мы отказывались, потому что думали, что это не имеет отношения к делу, – подтверждает она, – но они вроде как настаивали, и мы согласились».

Ребенку номер Четыре не смогли ввести иглу в позвоночный канал. После электроэнцефалограммы и магнитно-ре-

зонансной томографии, которые были выполнены в четверг под седацией, люмбальная пункция была отменена. Мальчи-ка постоянно рвало, в пятницу его вместе с матерью посади-ли в такси и отвезли домой за 500 километров.

В ту же пятницу Уэйкфилд с женщиной из *Newsnight* в алом платье, Флетчер и юристом Барром, который сообщил Мисс номер Четыре об исследовании *MMR*, выступили на заседании *JABS* в Лондоне. «Я нашла ваш короткий доклад и информативным, и интересным», – позже написала Уэйк-филду мать шестилетнего ребенка, прежде чем привести своего сына, Ребенка номер Двенадцать, в эту исследова-тельскую программу.

Две недели спустя, вернувшись в Тайнсайд, Мисс Четыре получила хорошие новости. Несмотря на гиперплазию лим-фоидной подвздошной кишки, анализы крови на заболева-ние кишечника оказались нормальными. А патогистологи, исследовавшие биоптаты ее сына на предмет воспаления, не обнаружили «никаких отклонений».

«Вот и все», – подумала женщина. Но затем произо-шло нечто странное. Почти шесть месяцев спустя Джон Уо-кер-Смит *изменил* диагноз мальчика. Хотя Ребенок номер Четыре не возвращался для дальнейших обследований, а ре-зультаты биопсии были рассмотрены и согласованы педи-атрами и патологами, австралийский профессор изменил за-ключение. Теперь, по его словам, мальчик страдал от «коли-та неизвестной этиологии», что для гастроэнтерологов озна-

чало серьезную, потенциально жизнеугрожающую патологию, которую на тот момент нельзя было четко отнести ни к язвенному колиту, ни к болезни Крона.

Но у маленького мальчика этого не было. И, как позже выяснилось, у Ребенка номер Два тоже ничего не было. Несмотря на ажиотаж после изучения «сигнального случая», его отправили на два месяца на специальную диету, а затем снова обследовали. Врач, не участвовавший в исследовании, сообщил о «полном возвращении к норме». Как заключил Уолкер-Смит еще в больнице *Barts*, у ребенка была непереносимость определенной пищи. Тем не менее в марте 1997 года Уокер-Смит написал лечащему врачу Ребенка номер Четыре. С учетом «гистологического обнаружения колита», объяснил он, ему рекомендовано прописать мощное противовоспалительное средство – месалазин, которое часто назначают пациентам с болезнью Крона.

Столкнувшись с обвинениями в неправомерном поведении, спустя одиннадцать лет Уокер-Смит признал, что не может объяснить причину изменения диагноза. Он не делал записи в истории болезни мальчика. Между тем, месалазин – не безобидное лекарство, во всех справочниках по лекарственным препаратам предупреждают о его потенциально серьезных или опасных для жизни осложнениях. Более того, ребенок с отклонениями в развитии едва ли мог пожаловаться на эти осложнения.

«[Комитет по безопасности лекарственных средств]

рекомендует пациентам, получающим месалазин, олсалазин или сульфасалазин, сообщать о любых кровотечениях, синяках, пурпуре, боли в горле, лихорадке или недомогании, возникающих во время лечения. Если появляется подозрение на нарушение кроветворения, следует выполнить анализ крови и немедленно прекратить прием препарата».

Мисс номер Четыре не была уверена, что таблетки были необходимы. Она говорит, что диета победила диарею. Но она посоветовалась с врачом, с человеком, которому в то время она доверяла.

– Доктор Уэйкфилд сказал мне, что лекарства блокируют воспаление [и] улучшают поведение. Я не хотел давать [своему сыну] лекарства, но он настоятельно посоветовал их мне и попросил двух других мам поговорить со мной о результатах.

В конце концов, она поддалась уговорам на очевидный эксперимент. Но после приема препарата у ее сына начались боли в животе, а его поведение не улучшилось.

– Месалазин был полной катастрофой, – говорит она мне, рассказывая о своей реакции на инструкцию. – Я была шокирована, откуда у сына взялся колит?

Однако команда Уэйкфилда пребывала в эйфории, если не сказать, в коллективной истерии. Теперь он предположил, что аутизм является проявлением воспалительного заболевания кишечника, а Уокер-Смит прописывал месалазин, ол-

салазин или сульфасалазин почти каждому ребенку, участвовавшему в проекте.

6. Вопрос морали

Чтобы инициировать эпидемию страха, вины и болезней, требуется соответствующая подготовка. Она началась в бетонном замке с видом на Хэмпстед-Хит при поддержке самой больницы и ее медицинской школы, причем еще за много месяцев до того, как результаты Уэйкфилда были официально представлены миру.

После трансляции в *Newsnight* его рейтинг резко вырос. В журнале *Sunday Times* была выпущена целая пятистраничная статья («Выстрел в темноте») о нем, о Джеки Флетчер и об адвокате Ричарде Барре. *ITV* пустила в прайм-тайм 30-минутный репортаж *Big Story* об утверждениях Уэйкфилда, связывающих *MMR* с болезнью Крона. А в газете *Mail on Sunday* Лоррейн Фрейзер, освещавшая *JABS* и результаты Ребенка номер Два, начала решительную кампанию по раскрутке Уэйкфилда.

Но все это можно считать исторически незначимыми фактами. К лету 1997 года Уэйкфилд был воодушевлен результатами пилотного исследования, особенно частотой выявленного отека в биоптатах кишки и того, что родители рассказывали в больнице. Раз за разом команда Джона Уокера-Смита выслушивала, что у детей возникали нарушения поведения и расстройства кишечника вскоре после того, как они привились *MMR*.

Согласно правилам, результаты исследований должны храниться в тайне до тех пор, пока не будут рецензированы и опубликованы в журнале. Но после утечки информации в медицинский журнал *Pulse*, в средствах массовой информации непрерывно начали появляться статьи, связывающие тройную вакцину как с аутизмом, так и с болезнью Крона.

«Убить или вылечить?»

«Оба моих маленьких мальчика страдают аутизмом, и мой чудесный брак распался»

«Слезы стыда за жертв вакцинации»

Часто приводились цитаты Уэйкфилда о пяти «готовящихся» статьях. Он подчеркивал, что эти статьи «явно подтверждают наши подозрения». Интерес к результатам исследования возрос и благодаря одной высокопоставленной фигуре, 53-летнему профессору гастроэнтерологии Рою Паундеру, который состоял а совете Королевской коллегии врачей и питал немалые медико-политические амбиции. Десять лет назад он повстречал врача без пациентов и наставлял его до конца карьеры.

«Меня убедили», – сказал Паундер в своем августовском интервью *BBC*. «Почти все» данные выглядят «биологически правдоподобно», – так он подтвердил, что «вирус существует». Это было сказано публично. Между тем в частном порядке не один, а даже два документа с результата-

ми плотного исследования были отправлены в *The Lancet*. Один был клинической статьей под названием «Новый синдром: энтероколит и регрессивное поведенческое расстройство» с «нейропсихиатрической патологией», «отклонениями» и т. д. Там значился Уэйкфилд и одиннадцать соавторов. Другой был «научным» обоснованием, в основном иммуногистохимическим, с добавлением множества молекулярных данных.

Спектакль прошел на ура. Он снова сделал это. Даже у открывших *H. pylori* Робина Уоррена и Барри Маршалла никогда не было двух статей в *The Lancet*. Теперь, будучи отцом четверых детей (последнему из них, Корину Джон Огиливи, исполнилось лишь четыре месяца), Уэйкфилд ждал решения журнала.

Никто не сомневался, что будет дальше. Уэйкфилда сопровождал попутный ветер славы. Всплеск известности несомненно привлечет Ричарда Хортон, бывшего главного редактора *Royal Free*. Расчеты влияния его журнала, основанные на популярности среди исследователей, показали, что он конкурирует с лидером сферы, *New England Journal of Medicine*. Уэйкфилду повезло еще больше: Хортон поручил пустить статью в печать редактору – шутливому семейному врачу, 54-летнему Джону Биньяллу, который на тот момент был в ударе, так как быстро отследил серию случаев редкого заболевания мозга (нового варианта болезни Крейтцфельда – Якоба). Он был сторонником политики, которую коллеги

назвали «правилом Биньялла»: если что-то обсуждается более 10 минут, значит это интересно и должно быть напечатано.

Однако за каждую принятую статью можно потерять баллы. Успех нельзя принимать как должное. Многое зависит от экспертной оценки. И снова Уэйкфилду сопутствовала удача. В середине ноября 1997 года Биньялл отправил оба документа профессору детской гастроэнтерологии Дэвиду Кэнди, который работал в 100 километрах к юго-западу от Лондона. Он никогда раньше не рецензировал статьи для *The Lancet*. Наставником Кэнди был тот самый Джон Уокер-Смит. «Я знал, что все, написанное Джоном, хорошо и достоверно», – рассказывает Кенди.

Земля круглая.

Больница и медицинская школа начали подготовку. Это будет величайший момент *Royal Free* за последние пару десятилетий. Уэйкфилд и Паундер встретились с менеджерами и убедили их организовать еще одну пресс-конференцию, даже большую, чем прошлую, посвященную статье с вопросительным знаком. «Доктор Уэйкфилд подчеркнул, что с ним связались все крупные новостные организации», – сказала декану Ари Цукерману пресс-атташе больницы, Филиппа Хатчинсон.

Шестидесятипятилетний Цукерман был не только профессором микробиологии и редактором журнала *J Med Virol*. Этот высокий плотный мужчина в очках, напоминающий со-

ву, стремился к известности. Он возглавлял ВОЗ и был резко настроен против вакцинирования от гепатита В. На всякий случай он решил описать предстоящее мероприятие не как пресс-конференцию, а как брифинг, фокусируя внимание СМИ на определенных «желудочно-кишечных изменениях», о которых сообщалось в клиническом исследовании.

Цукерман будет впоследствии сильно сожалеть об этом. Он предполагал, что ему, как декану, необходимо управлять средствами массовой информации, а не просто озвучить выводы Уэйкфилда. Этот пресс-релиз, в котором результаты описывались как «противоречивые», по его мнению, должен был ослабить пыл репортеров. «До тех пор, пока соответствующие национальные и международные органы, включая ВОЗ, не решат пересмотреть политику, касающуюся иммунизации *MMR*, *Royal Free* будет продолжать поддерживать текущую программу», – говорилось в его сообщении.

Несмотря на осторожность Цукермана, была развернута серьезная PR-компания, и на планирование этого брифинга ушли месяцы. Размер батареи тогда все еще ограничивал функциональность мобильных телефонов, поэтому для журналистов были установлены дополнительные стационарные телефоны. Механические автоответчики лишь усиливали общественную реакцию. В планах также была репетиция и беспрецедентный 21-минутный пакет видеороликов для телевидения.

Никто из участников потом не сможет поручиться, что

они не предвидели последствий. Общественный страх, вызванный публикацией статьи с вопросительным знаком, привел к падению использования *MMR*, и каждый год показатели иммунизации ухудшались. Через несколько дней после статьи в *Pulse* больница была «наводнена» (цитата Уэйкфилда) семьями, которые задавали вопросы о *MMR*. А в пакете видеороликов, заказанных больницей, он утверждал, что результаты у дюжины детей оправдывают приостановку введения тройной вакцины в пользу одиночных прививок.

«Я достаточно обеспокоен долгосрочной безопасностью поливалентной вакцины, то есть комбинированной *MMR*. По моему мнению, ее следует приостановить, – сказал он в одном из четырех вариантов одного и того же записанного сообщения. – Я считаю, что моновалентные, одиночные вакцины против кори, эпидемического паротита, краснухи, в этом контексте, вероятно, будут более безопасными».

Его наставник Паундер (надеясь на продвижение в коллегии врачей) предупредил правительство о грядущих событиях. Хотя второе, «научное» исследование было отклонено *The Lancet* (в более позднем судебном иске Уэйкфилд утверждал, что у него даже не было копии), клиническая статья должна была вызвать бурю негодования. «Мы полагаем, что в настоящее время доступно лишь ограниченное количество моновалентной противокоревой вакцины, и ваше ведомство, возможно, пожелает изучить эту потенциальную проблему», – написал Паундер главному врачу Англии Кен-

нету Кайману.

Однако у профессора гастроэнтерологии были проблемы и поважнее: какие преимущества получит его отделение в результате публикации его протеза? В рамках национальной программы государственные деньги предназначались для наиболее успешных отделений, причем публикации опять же были ключевой мерой оценки. Грубо говоря, это мероприятие могло принести прибыль не только для медицинской школы, но и для гастроэнтерологии. Действительно, годы спустя, когда я спрашиваю ученого, работавшего в *Royal Free*, «что объясняет этот феномен», который я к тому времени исследовал, она отвечает двумя словами: «Рой Паундер».

Итак, все было готово: переполненный зал, кофе и печенье на пятьдесят человек, и в четверг, 26 февраля 1998 года, в 10:00, была озвучена последняя статья Уэйкфилда. Место проведения мероприятия, то, что в больницах называется атриумом, было расположено на первом этаже, рядом с главным входом в здание. Комната размерами 15 на 30 метров, без естественного света, освещалась белыми неоновыми лампами, которые даже мотылек не принял бы за солнце. Продолговатый пол из твердых пород дерева был обрамлен семью колоннами и застлан ковром, как бальный зал в отеле средней ценовой категории.

К 10:00 репортеры, продюсеры и операторы собрались на стульях с жесткими спинками. Они смотрели на стол с си-

ней скатертью, за которым должны были сидеть непосредственные виновники торжества, и на деревянную кафедру, где должен был стоять Цукерман. *Times, The Guardian, the Daily Telegraph* и *The Independent*, все были здесь. Как и *Mail on Sunday, Express* и *Practice Nurse*. Телевиденье представляли *Channel 4, Channel 5, BBC* и *Sky News*. Приехали представители радиокompаний *Press Association* и *Reuters*. *Pulse* отправили два человека, *The Lancet* – трех. Команда Уэйкфилда насчитывала почти дюжину докторов.

За месяцы, прошедшие с момента первого поступления в журнал, статья существенно изменилась. Был добавлен автор – патологоанатом по имени Сьюзен Дэвис, и теперь под заголовком насчитывалось тринадцать фамилий. После обсуждений было решено раздать журналистам в руки и рассыпать по стульям эти пять страниц под двухстрочным заголовком готическим шрифтом:

**«Гиперплазия лимфоидных фолликулов
подвздошной кишки, неспецифический колит и
нарушение развития у детей».**

Вряд ли кто-нибудь без медицинского образования смог бы разобраться в этом названии. Но выводы статьи, содержащиеся в разделе «Интерпретация», были достаточно простыми для понимания даже простому обывателю.

«Мы изучили ассоциированные желудочно-кишечные заболевания и регресс в развитии в группе ранее здоровых детей, которые, как правило,

демонстрировали временную связь с возможными триггерами окружающей среды».

Из этого текста явно следует, что ничего не доказано. Но эти триггеры, описанные как «очевидные ускоряющие события», фактически сами просились в новости. На второй и третьей страницах были приведены две таблицы, по два столбца каждая, с перечислением фактов о детях. Пациенты были анонимны, пронумерованы от 1 до 12: одиннадцать мальчиков и одна девочка в возрасте от 3 до 9 лет. Ни у кого не было диагностировано заболевание Крона.

Таблица 1 была сложной. Даже опытным медицинским журналистам сложно расшифровать такие термины. Каждому пациенту были присвоены строки «аномальные лабораторные тесты» плюс «эндоскопические» и «гистологические» результаты. Почти в каждой строчке были одни и те же загадочные фразы – хронический неспецифический колит, воспалительное заболевание толстой кишки, лимфоидная гиперплазия подвздошной кишки, отек слизистой тонкой кишки.

Таблица 2, наоборот, была простой. Ее было так же легко читать, как большой красный знак «ОПАСНОСТЬ». Название гласило: «Нейропсихиатрический диагноз». Первый столбец был озаглавлен «Поведенческий диагноз», а второй – «Воздействие, определенное родителями или врачом». Ниже были перечислены диагнозы каждого из детей и очевидные провоцирующие события:

Аутизм... Аутизм... Аутизм... Аутизм...
MMR... MMR... MMR... MMR...

Люди поняли, о чем идет речь в статье.

Сообщалось, что в девяти случаях был выставлен диагноз «аутизм» (хотя у Ребенка номер Четыре он был под вопросом, наряду с дезинтегративным расстройством). В восьми случаях «внешним воздействием» оказалась «*MMR*». Возвращаясь к резюме, видим, что первый из выводов статьи, очевидно, основан на анамнезе, собранном у Мисс Два и Мисс Четыре Джон Уокер-Смитом и его командой.

По мнению родителей, появление поведенческих симптомов было связано с вакцинацией против кори, эпидемического паротита и краснухи у восьми из 12 детей.

Восемь из двенадцати? Это два из трех. Итак... две из трех семей детей с аутизмом винят в этом вакцину *MMR*.

На следующей странице находим еще более поразительную информацию: сообщение об ужасающем внезапном возникновении проблем. Было сказано, что «первые поведенческие симптомы» (также описываемые как «поведенческие особенности» и «поведенческие изменения») появились в течение нескольких дней вслед за вакцинацией.

У этих восьми детей средний интервал от воздействия до первых поведенческих симптомов составлял 6,3 дня (диапазон 1–14).

Итак, до начала болезни могло пройти до 14 дней: две недели – именно так Мисс номер Два ответила врачам на вопрос, когда ее сын начал трясти головой. Между тем, самым короткими интервалами были «24 часа» и «сразу» после *MMR*.

Последний раздел статьи, «Обсуждение», был самым многословным. Среди прочего здесь предполагались механизмы патогенеза, включая проблемы с витамином B₁₂ и «избыток опиоидов», о которых Мисс номер Два рассказывала в своем телефонном звонке. И, как ни странно, в конце было приведено «Дополнение», точно также, как в 1969 году в статье отца Уэйкфилда, Грэхема. В нем говорится, что было «обследовано» еще 40 пациентов, из которых 39 страдали так называемым «синдромом».

За столом с синей скатертью свои места заняли четыре оратора: Уэйкфилд (который, как выяснилось, написал статью в одиночку), Паундер (который не был указан в списке авторов), Саймон Марч (указан как второй автор) и детский психиатр Марк Береловиц (седьмой из тринадцати). Цукерман, сидевший слева от них, лицом к прессе, попытался успокоить всех присутствующих. «Сотни миллионов доз этих вакцин были введены по всему миру, они доказали свою абсолютную безопасность», – заявил он.

Но Цукерман только председательствовал, а командовал парадом Уэйкфилд. Он был причиной, по которой все пришли. В черном костюме, белой рубашке и узорчатом галсту-

ке, он смотрелся уверенным проводником на опасном пути науки.

– Связь, временная связь между *MMR* и аутизмом изначально проверена в США, – сказал он, – и мы ее подтвердили в нашей небольшой когорте.

Пока он говорил, в атриуме началось движение. Репортеры набрасывали цитаты. Продюсеры записали короткие сообщения. На пресс-атташе Хатчинсона ушло несколько минут.

Критерии отбора: 1 – нормальное развитие; 2 – регрессия поведения; 3 – кишечные симптомы. Среднее время 6,3 дня, диапазон 1–14 дней. Лимфоидная узловая гиперплазия и хронический колит.

Четыре раза в статье упоминался «синдром», который описан как совокупность проблем с кишечником и мозгом.

– Этот специфический синдром можно считать открытием, – объяснил Уэйкфилд со своего кресла. – Похоже, что он появился после 1988 года, вместе с *MMR*.

Декан сопротивлялся и приводил статистику по кори. По его словам, в прошлом году в Румынии было зарегистрировано 20 тысяч случаев заболевания и 13 детей умерли от нее. Но Уэйкфилд все равно потребовал приостановить иммунизацию тройной вакциной.

– Для меня это вопрос морали, – объявил он. – Я не могу поддерживать дальнейшее использование этих трех прививок в комбинации, пока проблема не будет решена.

Одних этих слов было бы достаточно, даже если бы они прозвучали как мнение одного врача. Но справа от Уэйкфилда сидел Паундер, который одобрил это заявление. Бросив на толпу свой взгляд из-под изогнутых бровей, он сказал:

– Я пересмотрел свое отношение к вакцинам вместе с Эндрю Уэйкфилдом. Кажется, что введение этой комбинации трех ослабленных вирусов может вызвать неестественную и необычную реакцию.

Это произошло. После месяцев планирования Уэйкфилд, Паундер и небольшая медицинская школа крикнули «Бомба!» в людном месте.

В ту ночь новости *Independent Television* трубили:

«Сегодня были подняты вопросы о безопасности комбинированной вакцины против паротита, кори и краснухи...».

Channel 4: «Новое исследование, показывающее возможную связь с заболеванием кишечника, которое может привести к аутизму...».

Channel 5: «Утверждают, что между обычной детской вакциной и аутизмом может быть связь...».

Эту историю всю ночь пускали в печать. А на следующее утро народ проснулся и увидел репортажи, например, *Guardian* выделил три свои первые страницы.

«МЕДИЦИНСКОЕ исследование предполагает, что между вакциной против кори, паротита и краснухи (MMR), вводимой детям на втором году жизни,

воспалительным заболеванием кишечника и аутизмом может существовать связь».

«Доктор Эндрю Уэйкфилд и его коллеги из Хэмпстеда, *Royal Free* Лондон, сообщают в *The Lancet*, что обращавшиеся к ним дети с признаками аутизма страдали до сих пор неизвестным кишечным синдромом, и что его лечение облегчило некоторые поведенческие симптомы. Они также обнаружили, что изменения у детей, такие как регрессия языковых навыков, которые они только получили, начались через несколько дней после вакцинации *MMR*».

Скептики кричали, как вороны у Хичкока. Исследование было слишком маленьким. Двенадцать детей ничего не значили. Не было контрольной группы (без аутизма или *MMR*) для проверки уникальности «синдрома». Родители обвинялись в «предвзятости воспоминаний». Биоптаты не оценивались вслепую.

The Lancet тоже попал под обстрел. Опубликовать статью с выборкой всего из двенадцати детей? Но, как и три года назад, журнал прикрыл сам себя. Двое ученых из Центра по контролю и профилактике заболеваний США, в том числе эпидемиолог Фрэнк Де Стефано, был приглашен дать опровержение работе Уэйкфилда. «Первую дозу вакцины *MMR* ежегодно получают около 600 тысяч детей в Великобритании, в основном на втором году жизни, тогда же, когда впервые проявляется аутизм, – отметили они. – Поэтому неудивительно, что некоторые случаи будут возникать вслед за

MMR».

Но это были врачи общественного здравоохранения. Их не хотели слушать. Если есть больница, куда обращались родители с заявлениями, что их ребенок получил *MMR* и у него в течение нескольких дней появились поведенческие и кишечные симптомы, то, конечно же, это нельзя проигнорировать. Возможно, в больницах по всему миру менее бдительные врачи пропустили первый звоночек скрытой эпидемии.

И двенадцать – разве это мало? Нет контрольной группы? Что? Скептикам следовало бы подумать. Впервые о болезни Крона сообщили в 1932 году, при этом кишечник был исследован всего у четырнадцати пациентов.

В 1943 году аутизм был описан всего у одиннадцати детей. А то, что получило название СПИД, было первоначально замечено в 1981 году у пяти геев в Лос-Анджелесе. Должны ли эти наблюдения быть упущены из-за боязни паники?

Ни в газетах, ни в атриуме не упоминалась роль Джеки Флетчер и *JABS*. Как и то, что детей целенаправленно приглашали для участия в исследовании, а не просто направляли к специалистам. Я озвучил все это только годы спустя. Но если цели и результаты исследования были такими, какими они казались, то, несомненно, они стоили нескольких страниц *The Lancet*.

Если они были такими, какими казались.

Секретные схемы

7. Все знают

Я почти уверен, что в детстве плакал после прививки. А кто, будучи ребенком, не боялся уколов? Да и шприц для подкожных инъекций, который воткнули в меня на Рэ-глан-стрит в больнице Кентиша на севере Лондона, был достаточно устрашающим: многоразовый стеклянный цилиндр, толщиной примерно с гобой, с никелированным латунным поршнем и стальной скошенной иглой (моя мама могла бы связать ею свитер). На тот момент шприцы еще стерилизовали термическим способом.

Память иногда нас подводит, но тогда, через 10 лет после окончания Второй мировой войны, все дети получали стандартный набор вакцин. Тринадцать лет спустя моя мать умерла от рака груди, оставив мне портативную пишущую машинку, скептический взгляд на вещи и папку с документами: свидетельство о рождении, школьный диплом и карту моих прививок. Первой была вакцина от дифтерии, которую, как указано в карте, мне ввели в среду, 4 мая 1955 года. Мне исполнилось 15 месяцев и 12 дней.

Конечно, сейчас мне намного больше: я настолько стар, что застал времена, когда газета *Sunday Times* была на пике

популярности. Тогда я к ним и устроился: заучку двадцати с небольшим лет в черных замшевых ботинках взяли в бизнес-раздел в качестве рерайтера и редактора. Мне пришлось попотеть над шрифтами и плоскими кусками стали, так называемыми «формами», которые были необходимы для печати издания.

Но что меня привело к Эндрю Уэйкфилду, так это публикация в шестнадцать слов. На тот момент я уже стал корреспондентом газеты по социальным вопросам и успешно провел кампанию за принятие парламентом новых прав для людей с ограниченными возможностями. В тот день, о котором идет речь, – в пятницу, 1 апреля 1988 года, – я высказался о вреде вакцин. Речь шла о прививке от *Bordetella pertussis*, микроорганизма, вызывающего коклюш, вирус которого на протяжении большей части 1970–1980-х годов считался возможной, хоть и редкой причиной повреждения мозга. Это мнение разделяли многие родители и доктора.

Спустя поколение историю о коклюше благополучно забыли, и ее сменила тревога по поводу *MMR*. Но всего за два дня до того, как я написал статью, судья, заседавший в великолепном готическом дворце лондонского Королевского суда, недалеко от набережной Темзы, вынес знаменательное решение. После 63-дневного слушания, в ходе которого доказательства приводили эксперты со всего мира, лорд-судья (сэр Мюррей Стюарт-Смит), 60-летний отец трех мальчиков и трех девочек, прочитал вслух свое решение, занявшее 273

страницы и четырнадцать глав, положившее конец долгим спорам.

Вкратце, ответ был отрицательным. С точки зрения теории вероятности, прививка от коклюша не была причиной тех заболеваний, которые многие считали ее осложнениями.

– Я был готов поверить в то, что это расхожее мнение было обоснованным, – зачитал бывший кавалерийский офицер, к увлечениям которого причисляли стрельбу и игру на виолончели. – Но посвятив недели изучению доказательств и аргументов, я все больше и больше начал сомневаться в этой связи.

Я был категорически не согласен. Сидя в 4 километрах к востоку, недалеко от лондонского Тауэра, я проигнорировал мнение его светлости. В ту пятницу я провел собственное расследование, вращаясь на стуле в отделе новостей *Sunday Times* и перебирая папки с пожелтевшими газетными вырезками. Доказательства были неопровержимыми: даже сама кампания в *Sunday Times* позже получила название «Жертвы вакцины».

«Пострадавшие от прививок выигрывают первый раунд борьбы за компенсацию»

«Риски вакцины против коклюша замалчиваются, считают родители жертв»

«Коклюш: родители не в курсе опасностей прививки»

Целые стопки вырезок. Выводы были однозначны. «Специальное расследование», проведенное нашим медицинским корреспондентом, показало, что риски от вакцинации были выше, чем опасность самого коклюша. «Правительство приводит свои аргументы, манипулируя цифрами, мнения экспертов скрываются», – писал корреспондент.

Только пролистав вырезки до конца, я понял, что картина была непростой. Родители запаниковали, и показатели иммунизации резко упали. По приблизительным оценкам, количество случаев коклюша подскочило с 8500 до 25 000 в год. И только во время одной из многих вспышек, в конце 1970-х годов, три десятка детей умерло от коклюша, а еще у семнадцати оказались поврежденными левые отделы головного мозга.

«Снижение количества прививок может привести к эпидемии»

«32 463 непривитых ребенка заболели коклюшем»

«Четверо детей умерли от коклюша»

Отличный материал для газет: две паники по цене одной. И послание в моих шестнадцати словах заключалось в том, что семьи детей с повреждением мозга нуждаются в помощи, независимо от причин возникновения подобных проблем. «Когда потребность перевешивает чувство вины», – так зву-

чал заголовок.

«После того как на прошлой неделе было вынесено постановление о безвредности вакцины, детям не будет оказываться помощь. *Brian Deer* говорит, что у всех инвалидов должны быть равные права».

Я до сих пор так думаю. Но из шестнадцати слов чаще всего мне вспоминается отрывок, который после суда я пустил в печать 1,2 миллиона раз:

«ВСЕ ЗНАЮТ, что существует некая связь между вакциной от коклюша и тяжелым поражением мозга».

В те счастливые дни до появления электронной почты никто не писал жалобы. Но я думаю, что мое заявление вызвало у некоторых лиц особый интерес. А несколько лет спустя мне позвонила женщина из Ирландии, которая в тот момент считалась королевой антипрививочников. Ее звали Маргарет Бест. Она жила недалеко от города Корк, на дождливом юге Ирландии. Женщина выиграла крупную финансовую сделку – 2,75 миллионов фунтов стерлингов плюс оплату адвоката – у фармацевтической компании *Wellcome Foundation* (которая, по случайному совпадению, финансировала раннюю карьеру Уэйкфилда). Проблема заключалась в ее сыне, у которого начались неврологические расстройства. В сентябре 1969 года, когда Маргарет было 22 года, а ее сыну 4 месяца, она сделала ему прививку от коклюша, в сочетании с вакцинами от столбняка и дифтерии, так называемую привив-

ку «три в одном», или АКДС. Через несколько часов, как женщина рассказывала позже, она позвонила местному врачу: у ее Кеннета случился ужасный приступ. «Его лицо стало очень красным, а глаза закатились вправо, он прижал обе руки к груди, и казалось, что все его тело окоченело».

В ноябре 1996 года Маргарет пригласила меня на беседу. Ей исполнилось 49 лет. Я увидел невысокую, энергичную женщину с упругими черными кудрями и бойкой манерой поведения. Она развелась со своим мужем Кеном и жила с парнем, Кристи, в недавно построенном доме с электрическими воротами, гравийным подъездом, собаками и мебелью, которая выглядела купленной наспех в ближайшем магазине. Кеннет, на тот момент уже 27-летний мужчина, занимал пристройку. Он не говорил, только иногда кричал. Его главным развлечением было сплести из клубков шерсти большие мягкие разноцветные пучки.

Пока мы с Маргарет разговаривали за кухонным столом, я попытался восстановить события. Между нами лежала стенограмма ее показаний в дублинском суде и маленький синий диктофон с магнитной лентой и микрокассетой, который давал мне возможность не отвлекаться на пометки.

– Итак, откуда вы звонили врачу? – спросил я минут через тридцать, надеясь прояснить события той ужасную ночи, о которой она говорила.

Маргарет встала и отошла к плите. Я остановил запись. Включил диктофон, когда она вернулась.

– Ну, – протянула она, – у нас был сосед, телефоном которого я иногда пользовалась.

В этом не было ничего странного. Телефонов было мало: все случилось давно, в год первой высадки на Луну, и действие разворачивалось в бедной рыбацкой деревне Кинсейл.

– И в тот раз тоже?

Маргарет снова встала, подошла к плите и замолчала на минуту, будто задумавшись.

– Нет.

Я снова выключил диктофон, подождал. Запустил запись.

– Так что, вы воспользовались телефонной будкой?

– Да.

И опять ничего странного. По крайней мере, так мне казалось в процессе беседы. Но когда я вернулся в Лондон и включил запись, челюсть отвисла, а брови поползли вверх. Зачем упоминать соседа, если она ходила в будку? Почему она вставала, молчала, отвечала односложно? Неужто ночь, когда была разрушена жизнь ее ребенка, не запечатлелась в ее памяти?

И это было моим первым шагом на пути к делу Уэйкфилда. Через неделю после поездки в Ирландию я заказал стенограмму дела мисс Бест против *Wellcome* – большую коробку прошитых по спирали папок, в которых была зафиксирована каждая минута 35-дневного судебного разбирательства. Как мне показалось, в деле было полно несоответствий, например, медицинских записей, противоречащих показани-

ям Маргарет. Женщина даже разрешила сделать своему сыну вторую АКДС, несмотря на очевидную побочную реакцию.

«Я ни на минуту не утверждаю, что миссис Бест лжет. Я лишь хочу подчеркнуть, что все описанные ей события произошли на 6–8 недель позже, чем она указывает, – сказал ведущий адвокат *Welcome* Генри Хики председательствующему судье в июне 1989 года.

Но судья так не считал. «Думаю, можно двигаться дальше», – ответил Лиам Гамильтон, председатель Верховного суда Ирландии, сидя среди скамей, почти таких же скрипучих, как скамейка Стюарта-Смита. – Если упомянутая хронология неточна, то мать действительно лжет».

Тем не менее, фармацевтическая компания не предъявила встречного обвинения. Дело набирало обороты. Врач мальчика тщательно вел дневники («насморк», «экзема» и т. д.), но в них ничего не было о припадках, которые, по свидетельству Маргарет, случались до двадцати раз в день.

Адвокат Хики настаивал на том, что мать сбита с толку. «Иногда люди могут убедиться в истинном ходе событий лишь в ретроспективе, мы видим такое каждый день у жертв дорожно-транспортных происшествий», – сказал он. Это заявление только ускорило принятие решения о судьбе *Wellcome*, позволив Верховному суду Ирландии вынести вердикт. История Маргарет была настолько запутанной – она рассказывала о ежедневных припадках и визитах к врачу, –

что напрашивался вывод: если ее рассказ не соответствует действительности, то она, должно быть, лжет. Но позиция компании не поменялась. Раз она «не лжет», логично, что она говорит правду.

– Они могли бы просто держать язык за зубами, – рассказывает мне Маргарет о победе, которую отметили на небольшом медиафестивале. – Если бы они ничего не сказали и просто защищались, без рассуждений, лгу ли я, говорю ли я правду, сбита ли я с толку, если бы они ничего не сказали, им же было бы лучше.

Признаюсь, это был мой «Момент Гиннеса». Я подумал: могла ли она? Сделала ли она это? Почему бы и нет? Женщина из рабочего класса. Она бросила школу в двенадцать. Стала матерью. И победила фармацевтическую компанию. Фантастика. Но после некоторых размышлений мой восторг поутих. Она не просто победила. Ее дело повлияло на выбор других семей, которые пытались оценить преимущества и риски вакцин. Кроме того, я был журналистом. Я не был участником кампании против прививок. Я верил, что должна победить истина.

Итак, я копнул немного глубже. На самом деле меня ждал год работы. И я обнаружил реальных людей и конкретные факты, что позволило мне, журналисту, высказать иное мнение, отличное от решения Верховного суда.

Невероятно, но история Маргарет тоже началась с доктора, врача лондонской больницы. Он опубликовал свое иссле-

дование в медицинском журнале, и на эту статью разом набросилось и телевидение, и пресса. В журнале была приведена серия случаев, когда у детей в течение 14 дней после АКДС развивались неврологические проблемы. Эпидемия страха охватила земной шар.

Но это был не Уэйкфилд. Доктора звали Джон Уилсон. Он работал детским неврологом-консультантом в госпитале для больных детей на Грейт-Ормонд-стрит в Лондоне – в одном из лучших педиатрических центров мира, расположенном в 5 километрах от *Royal Free* в Хэмпстеде. Журнал был среднего ранга – *Archives of Disease in Childhood*, а паника в СМИ была запущена в шоу под названием *This Week*. В Великобритании на тот момент было всего три телеканала. Я заказал это видео и не раз его просмотрел.

– Довольны ли вы тем, что нашли связь между вакциной от коклюша и повреждением мозга? – спросил в апреле 1974 года репортер *This Week* Уилсона, который был одет в розовую рубашку с большим воротником и массивные очки. Его бакенбарды были аккуратно подстрижены до уровня челюсти.

– Лично я удовлетворен, я видел много детей, у которых, очевидно, имелаась связь между тяжелым заболеванием, сопровождавшимся припадками, потерями сознания и очаговой неврологической симптоматикой, и прививкой, – ответил невролог.

– Что вы имеете в виду под словом «много»?

– Ну, за время моего пребывания здесь, то есть где-то за восемь с половиной лет, – вспоминал он о своем стаже работы на Грейт-Ормонд-стрит, – лично мне встретилось около восьмидесяти пациентов.

Уилсон был современником отца Уэйкфилда, Грэхема, и они оба считались первыми среди равных. Его черные волосы были уложены маслом, на рукавах блестели запонки, а его скрупулезный и вялый тон напоминал проповедь не сильно убежденного в своей правоте христианского епископа.

Уилсон заинтересовался иммунизацией в самом начале своей карьеры, еще до того, как была побеждена натуральная оспа. Англия начала борьбу с этой болезнью, и в конце XVIII века врач Эдвард Дженнер изобрел «вариоляцию», которая считается первой настоящей вакциной. Вскочив в последний вагон, в 1960-х Уилсон помогал адвокатом требовать возмещения ущерба от прививок. Он опубликовал свою статью про АКДС в январе 1974 года, за три месяца до того самого выпуска *This Week*. За 24 года до исследования Уэйкфилда Уилсон с двумя стажерами – немкой Марсией Куленкампф и бразильцем Хосе Саломео Шварцман – заняли четыре страницы в *Archives*.

«В период с января 1961 года по декабрь 1972 года в лондонском госпитале для больных детей было осмотрено около 50 пациентов. Их неврологические заболевания, вероятно, были вызваны прививкой АКДС, – поясняет Уилсон в тексте. – У 36 детей были получены адекватные данные о

клинической манифестации. В исследования были включены только те пациенты, неврологические симптомы у которых возникли в течение 14 дней после вакцинации АКДС».

Уилсон заставил двух своих младших сотрудников обыскать архивы больницы в поисках записей, касающихся вакцины. Затем он использовал выбранный им самим двухнедельный срок для определения жертв вакцинации. «Это было очень наивное исследование», – сказал Шварцман более сорока лет спустя, когда я приезжал к нему в Бразилию.

До телетрансляции 79 % детей в Англии получали АКДС. Но к 1978 году, после фурора в газетах, этот показатель упал до 31 %. Последовало судебное дело. Я обнаружил сообщения о массовых процессах в Канаде и Соединенных Штатах, о двух – в Лондоне. Оба проводились под председательством Стюарта-Смита, судьи-виолончелиста. Именно эти дела преподали мне несколько жизненных уроков, которые позже помогут докопаться до правды в дурно пахнущей истории Уэйкфилда.

Первое лондонское дело об АКДС касалось мальчика с отклонениями в развитии. Его звали Джонни Киннер. Согласно показаниям его матери Сюзен, в ночь после укола у него было пять или шесть припадков. Потом они случались каждый день. В дневниках врач отметил ряд легких недугов, и в амбулаторной карте не было обнаружено ничего серьезного.

Мать солгала. Сцена была трагичной. Сюзен рычала на суде, как львица, защищающая своего детеныша: «Видите,

вы сейчас пытаетесь меня запутать. Вы пытаетесь меня запутать». Но это было не так.

Стюарт-Смит постановил, что мать «не говорила правды», и ее собственный адвокат признал это. «Любой, кто присутствовал в суде и заслушивал свидетелей, видел расхождения между показаниями и медицинскими записями. Нет сомнений в том, что перспективы дела фактически равны нулю», – обратился он к судье в мае 1986 года.

Затем прошло второе заседание по делу Сюзан Лавдей, девочки с проблемами развития. Однако на этот раз родителям не разрешили давать показания (из-за страха второго коллапса, с огромными затратами и задержками), пока ученые не сделают собственные выводы. В частности, в рамках этого дела было проанализировано британское исследование, в котором сообщалось, что «приписываемый риск» необратимого повреждения мозга после АКДС составляет 1 случай на 310 000.

Это исследование (названное Национальным исследованием детской энцефалопатии) длилось три года, включало 2 миллиона доз АКДС и было самым масштабным в мире. На него будут ссылаться в технических паспортах вакцин по всему миру.

Но когда судья приступил к работе, он обнаружил, что расчет конечной цифры был сделан только на основании семи ключевых пациентов. Итак, проигнорировав возражения исследователей, он заказал записи о семи детях и изучил

их, одну историю за другой. У одного ребенка был синдром Рейе, который никак не связан с вакцинами. У троих было отмечено вирусное поражение. А в оставшихся историях и вовсе были «нормальные» результаты. Итого, относительный риск сократился до нуля.

Стюарт-Смит начал рассматривать другие педиатрические дела и пришел к выводу, что даже самые печальные рассказы не всегда заслуживают доверия.

«Дело 1473: показания родителей не соответствуют с изначальной историей».

«Дело 1509: симптомы появились в октябре прошлого года, эта запись была изменена несколько месяцев спустя на “начало приступов через 24 часа после прививки” на основании новых показаний родителей».

«Дело 1215: Заявление родителей о том, что ребенок был здоров до вакцинации, явно не соответствует действительности».

Он обнаружил мошенничество. Трудно представить, как еще можно все это объяснить. Например, были найдены две распечатки с оценкой навыков детей, в которых баллы необъяснимо изменились. В них были зарегистрированы одни и те же показатели, полученные в один и тот же день. Во второй распечатке баллы были ниже, что позволило отнести некоторых пограничных пациентов к группе заболевших. «Странно. Мне трудно понять, как одни и те же данные

могут получить разные оценки», — подчеркнул судья.

Однако хуже всех ситуация была у Уилсона. Стюарт-Смит занялся исследованием, в котором заявлено о трех десятках жертв вакцинации. Судья просмотрел их все. Невролог признал, что у восьми не было связи между вакциной и симптомами. В пятнадцати случаях он согласился, что могла быть и альтернативная причина. Он стоял на своем только у двенадцати пациентов. Из этой оставшейся трети всего в трех случаях было достаточно информации, и даже в них роль вакцины не могла быть доказана. Удивительно, но у некоторых детей, о которых сообщил Уилсон, первые симптомы появились еще до вакцинации. Но самой поразительной в его серии была пара девочек-близнецов, которым не только поставили диагноз генетического заболевания, но и никогда не прививали АКДС.

В это просто невозможно поверить. Мое расследование завершилось почти семью тысячами слов на шести страницах *Sunday Times*. Я усвоил урок: когда речь идет о жертвах вакцинации, нельзя верить ни родителям, ни врачам. И после того, как я изучил загадочные темы, которые мне никогда больше не понадобятся (от «теста на набор веса мыши» до «принципов Арлвина-Гриффита»), я решил, что эта область исследования слишком сложна, чтобы ею заниматься по сиюминутной прихоти.

Буквально в этот же момент, в пятницу 27 февраля 1998 года, в приемной врача я взял в руки *The Guardian* и прочел

первую страницу статьи из Хэмпстеда. В моем мозгу все еще прокручивалась история с АКДС, а Уэйкфилд уже попал в новости с *MMR*.

– Вам следует за это взяться, – предложил доктор, когда я уходил.

– Ну уж нет, – засмеялся я в ответ, – *ни за что на свете*.

8. Первый контакт

Итак, с чего все началось на самом деле? Был ли это телефонный звонок Мисс номер Два, когда Уэйкфилд впервые услышал о проблемах своего «сигнального случая»? Может, точкой отсчета можно считать создание женщиной в алом из *Newsnight* общества *JABS* для поиска союзников в борьбе за компенсацию?

Или все началось несколько десятилетий назад, на Грейт-Ормонд-стрит, с исследования другого врача?

Я представлю вам это дурно пахнущее дельце под кричащим заголовком:

Правда

Сначала действительно был телефонный звонок. Но звонили не Уэйкфилду. Он сам связался с британским государственным служащим, мужчиной 46 лет по имени Дэвид Солсбери, высокопоставленным чиновником, контролирующим вакцинацию. Это был довольно безэмоциональный и осторожный персонаж, не склонный к опрометчивости. До получения должности он работал педиатром под руководством невролога Джона Уилсона, и этот опыт сформировал его жизненную позицию.

Он был там, в палатах, и наблюдал приступы коклюша. Он

присутствовал при переводе детей на Грейт-Ормонд-стрит, в специализированную детскую реанимацию с аппаратами искусственной вентиляции легких. Дэвид видел, как непривитые младенцы буквально захлебываются кашлем до смерти, когда их несут из машин скорой помощи, как плачут родители, как бегают медсестры. Он слышал рассказы о пациентах, заболевших коклюшем, с неизменно печальным концом. Солсбери видел синдром врожденной краснухи, который может привести к повреждению мозга, глухоте, слепоте и сердечным заболеваниям у младенцев. Ему были хорошо известны ужасы *подострого склерозирующего панэнцефалита (ПСПЭ)*. Это медленная вирусная инфекция, вызванная тем самым вирусом кори. Он поражает мозг спустя долгое время после первоначального заражения. Обычно заболевание манифестирует легкой амнезией, затем следуют обмороки, припадки, кома, вегетативное состояние и смерть. Эта мрачная картина разворачивается за пару лет. Солсбери даже сопровождал Уилсона на встрече с родителями одного из таких пациентов, обреченного маленького мальчика. Им надо было сообщить ужасную новость.

«Я всегда буду помнить, как Джон объяснял им очень нежно и чутко, что их ребенок умрет», – рассказал мне Солсбери по телефону.

На момент звонка Уэйкфилда Солсбери работал в *Friar's House*: офисном здании в *Elephant and Castle*, захудалом райончике со сложным рисунком транспортных линий, располо-

женном в паре километров к югу от реки Темзы. Здесь функционировало несколько правительственных кабинетов, где занимались пенсиями, социальным обеспечением и другими социальными услугами. Лишь немногие сотрудники могли претендовать на что-то более комфортное, чем офис Солсбери № 388 с видом на парковку.

Все началось за два с половиной года до звонка мисс Два Уэйкфилду и за два месяца до вакцинации сына Джеки – Флетчера Роберта, о чем она позже будет рассказывать в *Newsnight*. В среду, 23 сентября 1992 года, секретарю Солсбери поступил тот самый звонок, который можно считать отправной точкой всей этой истории.

В то время команда Солсбери начала большой проект – выпуск новой вакцины против *Haemophilus influenzae* типа b. Сам Дэвид занимался вопросами поставки, общался с фармацевтическими компаниями, устранял препятствия для транспортировки вместе с подрядчиками Министерства здравоохранения и отвечал на бесконечные вопросы врачей.

«На линии доктор Эндрю Уэйкфилд. Медицинская школа *Royal Free*. Что-то о *MMR*».

Опять *MMR*. Солсбери слышал новости о проблемах с ее безопасностью. Всего неделю назад, в прошлый понедельник, Кеннет Кайман, главный санитарный врач, написал буквально каждому доктору в Англии и Уэльсе, что две марки этой вакцины отзываются. Одна называлась *Plusarix* (британская компания *SmithKline Beecham*), другая – *Immavax*

(французская компания *Pasteur-Merieux*). Остается только одна – *M-M-R II* компании *Merck*, при условии, что поставки из США будут бесперебойными.

В своем письме Кайман объяснял причину такого решения. Грубо говоря, вирус паротита был слишком силен, и у некоторых детей после этих прививок появлялись симптомы. В *MMR* все вирусы оставались в живом, хоть и в ослабленном виде. И после введения одной из двух вышеназванных вакцин у пациентов развивался паротит, который, по идее, эти прививки должны предотвращать. Заболевание обычно проявляясь в легкой форме менингита – воспаления слизистой оболочки мозга.

Канада и Япония уже действовали. Британские правительственные лаборатории тем временем определили риск: 1 на 11 000 инъекций. Однако, как подчеркивается в письме Каймана, этот показатель все равно был «значительно ниже», чем риск естественного заражения.

В течение девяти дней Солсбери следил за новостями в газетах, которые каждое утро доставлялись прямо на его стол. Первой была *Times*, опубликовавшая 140 слов во вторник, 15 сентября. Комментарий был достаточно сдержанным, а поскольку две вакицины были отозваны, общественное беспокойство по этому поводу было минимальным. Солсбери никогда не слышал о докторе без пациентов. И после того как секретарь соединила его со звонящим, который представился грудным голосом и изложил свои мысли, государственный

служащий был озадачен. Как Уэйкфилд узнает два с половиной года спустя, когда Мисс номер Два добралась до его места работы, Солсбери не сразу понял причину этого звонка.

Со стороны журналиста было бы неразумно полагаться на воспоминания лишь одного из участников. Так что я в долгу перед Уэйкфилдом, который на двух страницах зафиксировал их беседу. В то время он ждал публикации своей статьи в *J Med Virol* о вирусном происхождении болезни Крона – той, в которой он сообщил об обнаружении вируса кори и предоставил его микрофотографии.

«Почему мы должны относиться к этому серьезно? У нас очень хороший календарь вакцинации. У нас нет кори», – спросил Солсбери.

Но в тот день во время телефонного разговора Уэйкфилд был достаточно откровенен. Он ссылаясь на *J Med Virol*, хотя и признавал, что статья не имеет ничего общего с вакцинами (или, если на то пошло, эпидемическим паротитом или мозгом). Тем не менее он хотел встречи. Более того, он хотел денег.

Если бы я мог разделить экран, как в ранних фильмах Квентина Тарантино, сейчас был бы подходящий момент. Потому что Уэйкфилд был не единственным игроком, который увидел в отзыве вакцин новые возможности.

Наш следующий смышленный персонаж – юрист Ричард Барр, о котором позже будет писать *Sunday Times*, и чье имя появится на доске объявлений, той самой, которая привле-

чет внимание Мисс номер Четыре.

Темноволосый, с широко расставленными глазами и особым акцентом, Барр мог сойти за настройщика фортепиано, продавца ковров или хозяина паба с настоящим элем. В возрасте 42 лет его главной претензией на известность было соавторство в книге «*Как купить и продать дом: все о переезде*». До прекращения поставок двух вакцин его карьеру сложно было назвать успешной. «Юрист по найму. Мелкие тяжбы утром, составление актов в обед, завещания во второй половине дня», — описывает он свою работу на нашей встрече почти 12 лет спустя.

Он практиковал в *King's Lynn*, недалеко от побережья Норфолка, на полпути к восточному побережью Англии. Но, как и в *Royal Free*, все королевское в *King's Lynn* ограничивалось названием. Городок с населением 40 тысяч жителей в значительной степени утратил все свое средневековое наследие. С 1960-х годов здесь ничего не строилось, даже университета не было, что могло бы оживить атмосферу вечеров молодежными посиделками. Тем не менее Барр хотел известности и денег, чего жаждет большинство юристов. И, помимо этого, у него были немалые амбиции. Он хотел передать дело в Королевский суд, национальный храм дебатов. Его отец был юристом, а мать врачом, так что все сошлось: больше, чем чего-либо другого, он желал подать фармацевтический иск.

После первой же статьи в *The Times* он почувал добы-

чу. Уже через несколько часов Барр общался с журналистами. Восемь лет назад, благодаря удачному стечению обстоятельств, он осуществил передачу права собственности ресторатору по имени Анджела Ланкастер, которая купила бунгало с четырьмя спальнями недалеко от поместья Сандрингем, одного из многих домов королевы, в 15 километрах к северо-востоку от *King's Lynn*. Покупка была разовой и не представляла большой юридической ценности. Но его клиентка объявилась снова. В мае 1990 года – за два с половиной года до отзыва вакцин – сын Ланкастеров, 13-летний Ричард, заболел вирусным менингитом. Это случилось после того, как в эксклюзивной частной школе его выстроили в очередь с остальными учениками и сделали прививку *MMR*.

«Это было ужасно», – вспоминает Анджела об острой фазе заболевания, когда ее сына мучили головные боли и такие симптомы, как фоточувствительность, лихорадка, рвота, ригидность мышц шеи и приступы летаргии. «Они измеряли ему температуру каждые 10 минут».

Женщина спросила Барра о перспективах подать в суд на доктора. Она слышала от другой матери, что врачи общей практики получают премиальные за выполнение планов по иммунизации. Таким образом, по ее мнению, тот, кто провел вакцинацию в школе, получил прибыль от рискованной процедуры.

Первым шагом Барра было запросить юридическую помощь: деньги налогоплательщиков для финансирования лю-

дей, которые не могут позволить себе оплатить юриста. В британской системе несовершеннолетние всегда имели право на подобную помощь, поэтому Барр сделал и второй шаг – отправил запрос на заключение эксперта и оформил заявление матери о том, что и когда случилось с ее сыном. Дело выглядело многообещающим, и правительственный совет по юридической помощи оплатит счет адвоката, неважно, выиграет он или проиграет.

Однако через пять недель нахождения в затемненной палате мальчик полностью выздоровел. Он не потерял доход. У него не было иждивенцев. А если уж на то пошло, то у его матери сложилось впечатление, что вакцина даже принесла пользу.

«Вероятно, это изменило моего сына, – сказала она мне, посмеиваясь над мыслью, что, возможно, легкое воспаление обострило его умственные способности. – До 13 лет он взахлеб читал компьютерные журналы. После болезни он сказал, что хочет работать в NASA, забросил их и начал учиться».

Перенесемся в ноябрь 1992 года, когда поставка вакцин была приостановлена. Барр вспомнил случай Ланкастеров. Во вторник Анжела вернулась домой около четырех часов дня и обнаружила сообщение от адвоката с просьбой разрешить сообщить журналистам ее номер телефона. История ее сына стала новостью: идеальный анекдот, позволяющий извлечь максимальную пользу из действий правительства.

Мать сообщила мне, что дала интервью *Daily Mail*, но журналист прозевал крайний срок подачи статьи. Тем не менее с ней связалась более престижная газета *Independent*, медицинский редактор которой, Селия Холл, давно занималась борьбой с АКДС. В тот вечер она подготовила не одну, а две статьи. След Барра определялся в обеих. Связь в одной статье была косвенной, возможно, это даже было совпадением, несмотря на то что речь идет о стране с населением 58 миллионов человек. Холл взяла интервью у семейного врача из деревни недалеко от Висбеха, в 20 километрах от *King's Lynn*. В Висбехе у фирмы Барра был филиал, а его отец долгое время работал там адвокатом.

Первая статья Холл заняла три колонки на странице номер 2: «Детей привили, несмотря на риск менингита». Семейный врач раскритиковал Министерство здравоохранения за недостаточную скорость реакции.

«Врач-терапевт обвиняет чиновников в том, что они предпочитают затяжные административные процедуры максимальной безопасности». «Они хотят, чтобы *MMR II* была закуплена до того, как все узнают правду о двух других вакцинах», – считает доктор Дэвид Беван из Аутвела, деревни недалеко от Висбеха, Кембриджшир.

Не самый авторитетный источник, чтобы изречь новость национального значения. Особенно, если учесть признание доктора, что даже такие вакцины лучше, чем ничего. Но Холл, в любом случае, прорекламировала бизнес Барра.

«Ужасный опыт побуждает некоторых родителей обращаться в суд», — гласил заголовок второй статьи в *Independent*. При этом единственным описанным в газете случаем было дело Ланкастеров. В четырех абзацах речь шла о том, как Анджела планировала подать в суд. Затем следовала гениальная фраза:

«Их адвокат Ричард Барр из *King's Lynn*, специалист по делам компенсаций, уже представляет другую семью с севера Англии, чей пятилетний сын остался глухим после менингита, который развился в результате вакцинации *MMR*».

Барр... специалист по делам компенсации? Тем не менее Холл оказалась пророком. Ибо тогда, в начале 1990-х (до того, как в интернете появилось все, даже меню каждого индийского ресторана), упоминание в газете было той самой приманкой, которая помогала юристам заполучить клиентов. Таким образом, едва не забытый всеми правовед выиграл контракт у юридического совета и начал представлять семьи, которые подавали в суд на врачей и производителей *MMR*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.